

18+

РЕЙС БРУКЛИН-ТОРОНТО 2.0

ПОЗНАЙ СВОИ УБЕЖДЕНИЯ

АЛЕКСЕЙ ВОРОНИН

Алексей Воронин

Рейс Бруклин — Торонто 2.0

<https://litres.ru/74503304>

ISBN 9785007126557

Аннотация

Черда непредвиденных обстоятельств сталкивает Эмили с неприятной вестью, ставшей препятствием на пути к ее счастью. Однако данное разочарование поднимает ее мышление на уровень пробуждения сознания. Триггеры и ужасные события начинают восприниматься как бесценное учение.

Эмили прорабатывает собственные страхи и постепенно освобождается от личностей. А чтобы не стать жертвой собственных убеждений, разрыв эмоциональной связи с нелегким прошлым, становится для нее главной задачей.

Содержание

1	5
2	26
3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Рейс Бруклин — Торонто 2.0

Алексей Воронин

Дизайнер обложки Анна Городенко

© Алексей Воронин, 2026

© Анна Городенко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2655-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Жить по-настоящему — это значит убрать внимание из ума. Позволить себе освободиться от оков собственных убеждений, чтобы этот привычный мир показался совершенно иным. А он поистине удивителен и всегда непредсказуем. Наполнен искренней любовью и неограниченными возможностями. Он предоставляет нам равные условия для творчества, уготовив при этом аналогичный исход независимо от статуса. Здесь каждому дано право выбора: быть счастливым или утонуть в собственном страхе. И абсолютно каждому дано, выйти за рамки ограничений своего персонажа либо продолжить вольное плавание в океане выдуманных страданий.

Очередная медитация побудила меня к размышлению над тем, что открылось в прямом потоке. Сейчас я испытываю жажду закрепить это знание, проговаривая вслух в своей комнате. Я могу показаться дурочкой, говоря сама с собой, но ведь все мы это делаем, стоит остаться наедине. Сегодня я поняла, что, ежедневно вовлекаясь в различные ситуации, мы забываем, кем являемся на самом деле. Мы — нечто большее, чем знаем о себе. Нас постоянно отвлекает беспокойный ум, напоминая о существовании дел поважнее, чем пробуждение и поиск себя. Пользуясь иллюзорной властью, он заставляет каждого решать важные вопросы для выживания в этом мире, стараясь контролировать нашу занятость.

Благодаря ему мы постоянно что-то делаем, и большая часть времени посвящена нелюбимой работе, чтобы однажды заработать все деньги мира. Ну а остальное свободное время растрачивается на очень «важные» людские дела. И что мы здесь только не делаем. Заключаем сделки и знакомимся с новыми людьми. Кого-то обучаем знаниям и учимся сами. К кому-то относимся с почтением, а с кем-то выясняем отношения. Кого-то любим, а кого-то ненавидим. Кому-то завидуем, а за кого-то искренне радуемся. Что-то строим, а потом разрушаем. Чем-то восхищаемся, либо восхищаются нами. В общем, крутимся как белки в колесе, наивно полагая, что этот мир зависит от нас. Другими словами, создаем бурную деятельность, прикидываясь всезнайками, познавшими жизнь. А еще я заметила: мы часто делаем вид, будто любим этот мир и все, что связано с ним. При этом не замечаем никого, кроме себя. Было бы правильнее сказать, что на самом деле мы не видим дальше собственного носа. Мы не умеем жить здесь и сейчас и ничего не знаем о любви. Мы погрязли в собственном Эго, заигравшемся во властелина мира. Мы одержимы вечным достатком и манией собственного величия. Мы считаем себя самыми умными и обожаем говорить о себе. Наш эгоистичный уровень мышления дошел до отвержения обыденной картины жизни, если она не сходится с собственными желаниями и интересами. Мы не привыкли терпеть поражение и не готовы идти на уступки. Мы не согласны на меньшее, чем уже имеем, и считаем, что все

контролируем, а когда дела идут не по плану, называем это неудачей. И с этого момента начинается самое интересное.

Когда неудачи сыплются одна за одной, мы разочаровываемся. Разочарование приводит к страданию, а оно — к обвинению. Мы бросаемся обвинять не только людей, у которых учились, но еще и весь мир, что ранее считался под нашим контролем. Винить кого угодно, но только не себя, — наш девиз. Так мы находим оправдания своим неудачам, которые сами же создаем. Это помогает не терять ценность в собственных глазах. Мы готовы и дальше обманывать себя на протяжении жизни, чем познать истину того, кем являемся на самом деле. Ведь нам всегда было легче сбежать, чем посмотреть в глаза истинному врагу собственных неудач. Единственное противоречие нашим действиям — это множество вопросов о смысле жизни. О том, кто мы такие и что вообще здесь происходит. Для чего родились, если обречены на смерть, и повлечет ли она за собой очередную жизнь? Мы хотим узнать ответы на миллион вопросов, но смелости хватает лишь на побег от себя. Именно поэтому жизнь все делает за нас. Она вынуждена проживать себя, чтобы однажды обратить наше внимание к знанию путем очередного разочарования ума. Так уж вышло, что доступ к включению сознания лежит исключительно через боль. Только так до нас возможно достучаться. Только так мы видим, что жизненные ситуации, в которых оказываемся ежедневно, — это всего лишь результат привычного мышления. Плод воображения,

в котором заигралось внимание, чтобы познать убеждения личности. Мы ведь всегда находимся там, где обитает внимание. Ежесекундно познаем свои убеждения и определенные правила внутренних программ. Поэтому буквально каждый миг своей жизни мы познаем только себя. Играем в эти игры до тошноты в горле, пока наконец не надоест.

В медитации я поняла, что жизнь состоит из нескончаемого потока мыслей, предоставляющего выбор желаемого опыта и доминантного Эго, превращающего божественную беззаботность в решение несуществующих проблем. Мы, как внимание, находимся в плену ума, позволяя глупым мыслям диктовать свои условия. Мы добровольно подчиняемся ему, позабыв о том, что подчиняться должен он. Мы придумали имена своим оправданиям, назвав одно из них замкнутым кругом сансары. И добавили значение к замкнутости, чтобы никогда оттуда не выбраться. Но правда в том, что выход существовал всегда, просто невозможно увидеть истину, проживая жизнь в уме. Там невозможно заметить, что внимание находится в прошлом, Эго зацепилось за будущее с надеждой, что когда-нибудь настанут перемены, а тело при этом находится в настоящем моменте. Это буквально проживание в трех измерениях одновременно. Физически — в настоящем, эмоционально — в прошлом и воображением — в будущем. Нас бросает из крайности в крайность, обрекая на бесконечное размышление о жизни, вместо ее обыденного проживания. Мы живем, чтобы размышлять о жизни.

Буквально так это звучит. Находим все новые гипотезы путем расхождения во мнениях. А потом вдруг замечаем, что все, над чем работали, пролетело как мгновение. И это самое мгновение обернулось ценою в жизнь, которую всегда хотели изменить. Всегда хотели, но не могли. И вот опять отговорки. Снова оправдания самого себя. Оправдания вместо признания в собственном страхе. Признания в том, что мы боимся. Мы боимся даже признавать, что мы боимся. Вот насколько это глупо выглядит. Мы боимся познать себя как истину того, чем являемся. Да и вообще боимся всегда и всего постоянно. Боимся все потерять, потому что привязаны к материальным вещам. Боимся оказаться в сложной ситуации, потому что именно там живут наши страхи. Нам привычнее познавать опыт личности, выдуманной нами ранее, для получения знаний, которые изменят нашу жизнь в лучшую сторону. Но, достигнув определенного уровня, ничего не происходит. В такие моменты мы понимаем, что, как были несчастливы, так и остались, несмотря на улучшенное финансовое положение. Как жили в страхе, так и продолжили, несмотря на приобретенный социальный статус, считающийся уважаемым в обществе. Именно с такой позиции пора замечать, что здесь что-то не так. Но врожденная упертость заставляет жертвовать временем, а значит, самым дорогим, что имеем, чтобы совершать очередные попытки изменить свое будущее. И опять разбиваемся о реальность. Снова и снова. И так до бесконечности, пока не поймем, что «же-

лаемое будущее непостижимо, если в настоящем проживать прошлое».

Хочется напомнить самой себе, что наше тело не способно менять жизнь. Все обстоятельства меняет только внимание. Если оно зацепилось за прошлое, наше настоящее будет аналогично ему. Такое же, только в иных декорациях. Будут происходить похожие ситуации, случаться одни и те же проблемы, и единственное различие с прошлым опытом — это другие люди. Другие снаружи, одинаковые внутри. И это не случайное совпадение, как можно предположить, — это просто мы не меняемся. Остаемся прежними, чтобы познавать аналогичное снова и снова. Буквально познавать самого себя в другой перспективе жизни.

«Когда в каждом увидите себя, когда не станет различий между верхом и низом, когда внутреннее станет подобно внешнему, тогда войдете вы в Царствие Небесное».

Научные исследования утверждают, что время — понятие относительное, но вот что такое мгновение, остается загадкой. Секунда — мгновение. Минута — мгновение. Целый час, проведенный в прекрасном настроении, также обернется мгновением. Да что мелочиться, вся жизнь — одно мгновение, подобно яркой вспышке на небе. В кругу пожилых людей разговоры о жизни, пролетевшей как мгновение, далеко не редкость. Все как один утверждают, что и моргнуть не успели, как подобралась старость. Но вот интересное наблюдение. Стоит погрузиться в обиду, как мгновение, ранее

считавшееся неуловимым состоянием, превращается в мучительную вечность.

Сегодня на меня снизошло очередное знание. Когда я пыталась измерить четырехчасовую медитацию мучительными двумястами сорока ужасными минутами, то осознала, что времени не существует. Существует только «сейчас», что привычно называть «настоящим моментом», и эмоциональные состояния, в которых пребывает личность. А времени вовсе нет. Неудивительно, что это не поддается обычному объяснению, ведь уму это понять невозможно. Это видится осознанием и обыкновенной искренностью к себе. Логично, что время придумано людьми для коммуникаций меж собой, и, с одной стороны, это очень удобно. Благодаря этому мы можем планировать события и назначать встречи, но, когда осознаешь, что событийный ряд происходит исключительно в настоящем моменте, смысл сравнения цифр с действительностью превращается в смех. Прошлого не существует, будущее пока не наступило, а когда его время настанет, оно ощутится в настоящем моменте так же, как и события, которые мы свидетельствовали в прошлом. Будущее, в принципе, ощущается нами каждую секунду, и происходит это не потом, а именно сейчас. Выходит, что «сейчас» — это все, что мы имеем, а время — хитрый инструмент для упрощения жизни. Но все-таки, если говорить о времени, уже больше суток прошло с момента, как я сбежала от Кристиана.

Возможно, это был не самый мудрый поступок в моей

жизни, но одержать верх над эмоциями, увы, не вышло. Несмотря на то что я умею выводить внимание из ситуации, чтобы не давать оценку происходящему, долбаная матрица знает, на какие рычаги давить. Она знает подход к каждому, чтобы как можно дольше удерживать нас в своих руках. Эмоции и страх — это ее козырные карты, кроме которых ничего больше нет. Поэтому я вновь вовлеклась в эмоциональные качели с парнем, в которого сильно влюбилась. И до сих пор отказываюсь верить, что он врал мне. Очень странно, но, даже зная правду, мое внутреннее несогласие пытается сопротивляться, несмотря на факты. Хотя я прекрасно помню то сообщение от Беатрис. Ее фразу «твоей дочери нужен отец» понять иначе невозможно. Да и понимать здесь нечего. И так заметно, что все это время он притворялся другим человеком. Нагло обманывал меня, завладев доверием к себе. Использовал в своих интересах для развлечения. Только я могла вляпаться в подобную историю. Вначале влюбиться, затем вляпаться. Обычно в таких ситуациях хочется при помощи машины времени обернуть время вспять, да вот только ее не существует, как и самого времени, в принципе. Сейчас даже не знаю, что меня парит больше. Его вранье или мой побег, который обрек на страдания от непонимания. Зачастую мои поступки раздражают меня. Вначале говорят эмоции, а что-то походящее на интеллект или здравый рассудок включается после. Вначале наломаю дров, а потом думаю, что с ними делать. «Но я ни в чем не виновата. Виноваты все, кроме ме-

ня», — подбадривает Эго.

Стрелка часов стремительно преодолевает очередную отметку, а разговоры с собой ни к чему не приводят. Кажется, становится только хуже. Я совсем позабыла о законе притяжения, который с радостью разогнал маятник депрессивного состояния. Закрываю глаза, чтобы сконцентрироваться на пространстве, но остановить поток мыслей — задача не из легких. Пока внимание борется с внутренним голосом, раздается звонок от Лили. Я до сих пор ей не сказала о позавчерашнем конфузе и не имею представления, как это сделать.

Выдержав пару секунд, беру телефон.

— Привет, красотка! — Заметно, как отражается ее прекрасное настроение.

В ответ звучит мое сопение и поникший голос.

— Ты в порядке? — кряхтит она.

— Угу!

— Что-то не похоже!

Моя никчемная выдержка более не в состоянии сдерживать хныканье. Очень коротко, но довольно детально рассказываю историю того ужасного утра. О чертовом сообщении Беатрис и о коллекции фотографий его дочери, которую заметила в его телефоне. А еще о своем побеге и полном игноре Кристиана.

— Я не знаю, что мне делать, — дополняю напоследок.

— Да уж, — произносит Лили, — я думала, у меня контрастная жизнь. Оказывается, мне есть чему учиться.

— Прекращай подкалывать, — выдавливаю странный смешок.

Она усмехается в телефон.

— Да ладно тебе! Подумаешь, ребенок! Тебе от этого что? Он не женат, а значит, проблем нет. Но с побегом ты погорячилась. Нужно было застать его врасплох. Сейчас он придумает кучу отмазок на этот счет.

— Легко рассуждать, когда не испытываешь чувств к мужчинам, — иронизирую я.

— Я испытываю, — оправдывается Лили. — Просто мужчины для меня — это средство для самоудовлетворения и источник для закрытия потребностей. Был у меня однажды роман с женщиной с прицепом. Ничего хорошего из этого не вышло. Он уделял много времени ребенку, а меня это не устраивало. Я тоже человек. Я тоже хочу внимания к себе. Просто взяла и ушла от него.

— У тебя другая ситуация, — пытаюсь напомнить ей. — Ты уже знала, что у него есть ребенок. Плюс ты не влюблялась, как я.

Она громко выдыхает, чтобы согласиться:

— Это точно! Подруга, ты вляпалась.

— Предлагаешь мне уйти от него? — аккуратно спрашиваю.

— А разве ты уже этого не сделала?

— Скорее я ввела его в заблуждение.

— Хех, — усмехается она, — не представляю, о чем он

сейчас думает. Что будешь делать?

— Пока не знаю, — продолжаю шмыгать носом в телефон, — я взяла больничный на работе, чтобы не видеть его. Хочу зарыться в песок с головой.

— А почему ты раньше не позвонила? Обговорили бы.

— Мне было стыдно говорить об этом, — отвечаю, и она фыркает с возмущением.

Сердце проваливается в пятки, когда на второй линии появляется Кристиан.

— О Боже! — визг из моего горла вырывается наружу.

— Что такое?

— Кристиан на второй линии!

— Ну так отвечай! — восклицает она.

— Что я ему скажу?

— Не подавай вида, что ты на него обижена, и перестань шмыгать носом. Говори с ним так, будто тебе плевать. Понятно?

— Я боюсь!

— Если ты сейчас же не поднимешь трубку, я приеду и сделаю это за тебя. Соберись.

— Ладно-ладно! Я перезвоню.

Зачем-то поправляю челку перед ответом на его звонок. Провожу пальцем по экрану, и этот дьявольский голос звучит как напоминание о бурных эмоциях.

— Эмили?... — вначале он будто уточняет.

— Что тебе нужно, Кристиан?

— Слава Богу, ты ответила на звонок, — он глубоко выдыхает с облегчением. — Что происходит?

— Я думала, ты мне объяснишь!

Тревожность перехватывает дыхание, а пульс стучит так, что кажется, Кристиан слышит его в телефоне.

— Я? — удивляется он. — Ты вообще в себе? Я давно не мальчик, чтобы играть в игры. Объясни, в чем дело.

Неожиданное чувство смелости вырывается из моего сердца, чтобы показать свое безразличие.

— Неужели? А тебе не кажется, что взрослые мужчины сразу признаются в наличии своих детей?

После моих слов вновь тишина. Когда происходят частые паузы, начинает казаться, что пропадает связь.

— Так вот в чем дело, — выдыхает Кристиан, словно с легкой усмешкой.

— Представляешь!

— Беатрис сказала?

— Да какая разница! Ты мне врал!

— А давай успокоимся и просто поговорим.

— Кажется, нам не о чем разговаривать, — выкрикиваю с желанием воплотить очевидный сценарий сопливого сериала, где обиженная женщина нервно бросает трубку.

Это могло сработать с кем угодно, но только не с Кристианом. Он словно чувствует меня и предугадывает дальнейшие действия. В ту же секунду он пользуется моей идеей первым, называя адрес и время встречи напоследок. Он прерывает

звонок, чтобы мои эмоции напомнили о себе.

Остается перезвонить Лили.

— Ну и что там? — ее заинтригованный голос звучит громче.

— Он сказал, что все объяснит при встрече.

— Ты согласилась?

— Он бросил трубку! — оправдываюсь возмущенно.

— Хочешь, я пойду с тобой? Посижу за соседним столиком. Ты сделаешь вид, что мы не знакомы.

— Не надо, я сама справлюсь, — отнекиваюсь намного смелее.

В привычной ей манере она оставляет пару советов «не забывать о женском достоинстве» и на все возможные выходы реагировать холодной головой. Следом берет с меня обещание, что позвоню ей после встречи, и, когда разговор можно считать удавшимся, Лили кладет телефон. Все бы ничего, но одна проблема порождает следующую. Пора готовиться к незапланированному свиданию, где пройдет спектакль обманщика-ловеласа. На голове не пойми что происходит. Мои волосы — это взрыв на макаронной фабрике. Под глазами мешки, щеки красные от слез и слабость в ногах. Успеть привести себя в порядок за час — это целый подвиг, но на удивление время останавливается в мою пользу, чтобы к установленному часу я появилась в кафе вовремя.

Мысль, что можно было не торопиться, приходит после. Мое положение скорее позволяет опоздать на встречу, чем

явиться вовремя, но из-за своей педантичности я прихожу раньше Кристиана. Выбираю столик в углу, заняв выгодное положение для наблюдения за входной дверью. Сейчас он зайвится во всей красе, чтобы оправдываться за вранье, а мне придется постараться, чтобы — не дай Бог! — не простить его. Интрига держит в напряжении. Интересно, какие он подобрал слова для разговора, ведь подобные вещи оправдать довольно сложно. Ему придется постараться, чтобы заставить меня хоть немножечко поверить в лживую историю.

— Ваш коктейль, мисс! — Официант ставит передо мной бокал апероля, задержав улыбку на мгновение.

Я дожидаюсь его ухода, чтобы сжать стеклянную ножку бокала в руке и опустошить содержимое наполовину. Порция алкоголя в стрессовой ситуации должна пойти на пользу. По крайней мере, так сказала Лили. Пока ум перебирает тактику поведения в его отсутствие, Кристиан появляется так же непредсказуемо, как легкий ветерок в жаркую погоду.

— Привет! — вырывается у меня дрожащим голосом.

Проклятье! Я не должна была говорить первой. Опция самоконтроля отключилась по умолчанию.

— Воду с лимоном! — угрюмо просит Кристиан у официанта, который застыл у барной стойки.

Своим молчанием Кристиан создает давление в предстоящем диалоге. Обстановка накаляется. Ладони потеют, щеки горят.

— Ты считаешь, это нормально?

— Что именно? Умалчивать о детях?

— Сбегать, — утверждает он.

— Мне кажется, ты не в том положении, чтобы высказывать мне, — отвечаю первое, что приходит в голову.

Он кривит губы:

— Ты хоть представляешь, какие мысли меня посещали? Тем утром я искал тебя повсюду, а когда приехал к тебе домой, то потерял дар речи от услышанного. Твоя сестра деликатно дала понять, чтобы я здесь больше не появлялся.

— Все по делу! — отвечаю.

Кристиан хмурит лоб в удивлении:

— По делу? Взрослые люди так не поступают!

— Если бы не скрывал от меня свою дочь, то ничего бы не произошло!

— Если ты успокоишься, я все расскажу, — уверяет он.

— Конечно, ты все расскажешь! Но только не мне. Мне на тебя наплевать.

Кажется, я малость перегибаю, но я сюда пришла не для того, чтобы выслушивать претензии. Встаю со стула с намерением уйти, но его фраза парализует меня:

— Я не знал, что у меня есть ребенок!

Его взгляд покосился в пустоту. Он будто ищет там сочувствие к себе.

— Что?

— Беатрис не говорила, что Камилла — моя дочь! Теперь ты довольна?

Мое тело безвольно падает обратно на стул.

— Это розыгрыш? — дрожащие губы сами спрашивают.

— У меня был тот же вопрос.

Внезапное чувство сострадания показывает интерес к этой истории. Начинаю ощущать себя полной дурой. Сейчас не хватает Лили, которая знает, как вести себя в любой ситуации.

— Когда ты узнал о ребенке?

— На корпоративе, — уверяет он, отпивая воду из стакана маленькими глотками, — Беатрис призналась со слезами на глазах. Я не понимал, как тебе об этом рассказать, потому что эта новость, скажем, слегка неожиданная. Ну а на следующее утро ты сбежала. Вот, в принципе, вся история.

Перед глазами — белый лист. Глупо дальше играть роль обманутой женщины. Обиженная позиция превращается в сочувствующего собеседника. Небольшие паузы в нашем диалоге генерируют правильные слова, которые действительно необходимы. Он рассказывает о своих чувствах, а я не понимаю, что дальше делать. По сути, мне нужно уйти от него, но язык не поворачивается сказать нечто подобное.

— Что собираешься делать?

Этот вопрос мне кажется самым подходящим.

Кристиан фальшиво усмехается:

— Ничего. Я думаю, это вранье!

Мои брови нахмурились в непонимании.

— Что ты имеешь в виду?

— Что-то мне подсказывает, что это очередная проделка Беатрис, чтобы вернуть наши отношения.

— Бред! — усмехаюсь я, — Зачем ей это?

Кристиан вынимает из кармана металлический портсигар. Берет оттуда сигарету и прикуривает, попросив официанта принести пепельницу.

— С каких пор ты куришь?

— С этих! — отвечает кратко, совершая очередную за-
тяжку, будто является курильщиком со стажем. — Это все
нервы!

— Хорошо. А какой смысл ей врать? — Слежу за тем, как
он пускает колечко дыма.

— Насколько я осведомлен, счастливый брак Беатрис и
Бертон давно зашел в тупик. Бертон — любитель казино и
публичных мест, а она — домашнее создание с признаками
социофобии. Могу предположить, что он начал ей изменять,
потому как Беатрис — мастер спорта по выносу мозга и ма-
нипуляций постелью, если что-то идет вопреки ее нраву. Ну
а после нашей встречи в Торонто ее бестолковую голову по-
сетила идея о перемирии. Она прекрасно понимает, что я не
вернусь к ней просто так. Здесь нужен серьезный повод. Вот
она и придумала идиотскую историю с ребенком, чтобы рас-
топить мое сердце.

— Ты хочешь сказать, все это время она врала своему му-
жу, что Камилла — его дочь? — недоверчиво спрашиваю. —
Разве она осмелится рассказать ему обратное?

Кристиан вновь хмыкает, только на этот раз намного громче:

— Эмили, очнись! Она уже это сделала!

Мои удивленные глаза практически не моргают.

— Наша компания давно стоит на ушах, — продолжает он. — Я удивляюсь, как в газетах еще не написали. Ты пропускаешь самые интересные сплетни о моей личной жизни. Сейчас я занимаю «топ горячих сплетен» во время перекуров коллег.

Я просто не верю его словам. Из моей приоткрытой челюсти скоро потекут слюни от удивления. Очередной поток мыслей сбивает с толку, заставляя глаза бегать по столу.

— Не могу поверить, что она скрыла твоего ребенка от тебя!

Кристиан тушит остатки сигареты в стеклянной пепельнице, немного щурясь от дыма.

— Нет-нет, Эмили. Здесь дело в другом. Допустим, Беатрис забеременела в конце наших с ней отношений и решила умолчать об этом. Она переехала в Торонто буквально сразу после нашего расставания, и разрыв между переездом и свадьбой с Бертоном был небольшим. Но я не думаю, что она настолько идиотка, чтобы скрывать от меня такие вещи. А еще не стала бы отказываться от новой жизни в успешном браке. Я считаю, что этот ребенок от кого-то другого. Она просто на этом грамотно сыграла.

— Да уж, — удивляюсь, подняв брови в очередной раз, —

это сильное заявление, Кристиан!

— Скорее предположение, — поправляет он. — Когда мы были в отношениях, я подозревал, что Беатрис изменяет мне. Доказательной базы у меня нет, но догадки остались. И вообще, предполагать можно все что угодно, но в моем случае правильным решением станет тест на отцовство.

— Ты полетишь в Торонто, чтобы сделать тест на отцовство? — аккуратно уточняю.

— Я вижу, ты вообще не в курсе новостей, — посмеивается он. — Все намного проще! Беатрис возвращается в Бруклин.

— Возвращается? — сама не замечая, как пишу во весь голос.

— Ты удивлена?

— Третий раз за десять минут!

Кристиан показывает свою улыбку на секунду:

— Смит поведал мне кое-что. Как только Беатрис рассказала Кларку о ребенке, он незамедлительно подал на развод и выгнал ее из компании. Сейчас остались нюансы с документами.

— Только не говори, что... она будет работать у нас?! — волнительно спрашиваю.

— Это исключено, — обнадеживает Кристиан. — Она уволена из самой компании. Смит не взял бы ее обратно, потому как в противном случае он потерял бы меня. Ему это не нужно.

— Ну, хоть первая хорошая новость за сегодня, — выдыхаю полной грудью.

— Знаешь, мне от этого не легче, — комментирует он. — Меня держит предвкушение от достоверности информации.

— А если тест на отцовство покажет положительный результат? — робко спрашиваю.

Кристиан опять хмурит лоб:

— Я не хочу думать об этом! Но даже если так, я не вернусь к ней! И тебе пудрить голову не собираюсь.

— Что это значит?

— Если она моя дочь, то наши с тобой отношения обречены. Не думаю, что ты будешь в восторге от мужчины, имеющего ребенка от другой женщины. Мне бы такое не подошло.

Конечно, тяжело принимать реальность, идущую наперекор собственным планам, но, к сожалению, он прав. К тому же я вроде бы как ушла от него. Над этим стоит еще поразмыслить, а пока глотаю минуты, проводимые с ним, как драгоценный кислород.

Договорив, он поднимается в полный рост, чтобы откланяться.

— Ты уходишь? — спрашиваю в полтона.

— А ты хочешь, чтобы я остался?

В его вопросе слышна ухмылка и чуточка неуверенности.

— Нам обоим нужно время! Тебе — чтобы разобраться в своих чувствах, а мне — чтобы разобраться со всем этим. Время расставит все на свои места, а сейчас мне пора на ра-

боту. Спасибо, что нашла в себе силы прийти и поговорить со мной.

Он отшагивает в сторону, запустив по инерции мое тело, чтобы приподняться вслед. Далее звучит едва уловимое «пока», и смелый мужской взгляд сажает меня обратно в кресло. Мне остается наблюдать, как он покидает заведение длинными шагами, не предоставив возможности увидеть напоследок серые глаза. В памяти лишь остался образ делового парня в классическом костюме, вероятно, разбитого эмоциями, но не сломленного до конца.

2

Что можно делать вечно? Смотреть на огонь и воду. Наслаждаться пением птиц в городском парке. Любоваться звездным небом в кресле-качалке на веранде собственного дома и чувствовать себя не одиноким во Вселенной. Эти занятия для души безупречны, но довольно скучны по сравнению с делами для ума. Вечно возжелать себя на пьедестале достижений, чтобы самоутвердиться на фоне собственных желаний, куда интереснее, чем смотреть на какие-то звезды. В нашем социальном мире желания ума давно стали превыше сердца. И удивляться здесь нечему, ведь абсолютный деструктив пускает корни из коллективного мышления, а за несметное количество времени пребывания ума в зомбированном социуме он перестал слышать голос души, которая знает ответы на все вопросы. Лишь категория избранных, доверяющих внутреннему голосу, не испытывает сомнений в том, что вечность — это только любовь. Иными словами, вечно можно лишь любить.

К слову, на просторах интернета заезженная тема о любви давно зудит в одном месте. Но даже ум не в состоянии воспротивиться тому, что познание любви — это единственная миссия человечества для обретения полноценности. И, кстати, один вопрос о любви порождает следующий, а они, в свою очередь, — массу тем для размышлений. Одна из таких

наводит на сомнение о существовании ее между мужчиной и женщиной. Следом напрашивается: «Как выглядит настоящая любовь? Как не спутать ее с другими чувствами? Как обрести взаимность от того, в кого влюблены по уши? И как заставить кого-то себя полюбить?» Вот и докатились до очевидности, что, по сравнению с вечным желанием постигать любовь, удовлетворение хотелок Эго — всего лишь пустой звук.

Ежедневная прокрутка этих мыслей приводит к огорчению, ведь ответа до сих пор нет, но единственное, что оставляет надежду на лучшее, — это прямое знание, что любовь на самом деле существует. Вот и я в этом уверена, когда чувствую что-то незнакомое, но до жути приятное. Приятное настолько, что хочется творить чудеса, ради кого, в принципе, теперь и живешь. Но где есть место хорошему, найдется и уютный уголок для темных сомнений, и, чтобы баланс соблюдался, невыносимый мандраж в коленях сбивает дыхание. Другими словами, мешает любить, подогревая тревожное состояние, в котором царствует страх ответственности. Перекладывание ответственности в отношениях на своего партнера способствует разрушению отношений. И, к сожалению, это общая проблема человечества. Пока мы придерживаемся инструкций, непоколебимых убеждений и принципов, счастье тлеет подобно восковой свече, имеющей способность истратить себя на сто процентов. Постепенное разрушение приводит к депрессии, вслед за чем наступает рас-

пад. А стоит всего лишь набраться смелости, чтобы взять ответственность на себя, и тогда у солнца не останется выхода, как разогнать густой туман на нашем пути. В этом и заключается тотальное доверие течению обстоятельств, рисующих картину совместного будущего, в котором присутствует ответственность обоих. Главное — не струсить.

До сих пор мне страшно идти с Кристианом по одному пути: ведь взять на себя ответственность, чтобы связать жизнь с человеком, имеющим ребенка от другой женщины, недопустимо в моем мировоззрении. Но, не воспользовавшись возможностью, я могу обречь себя на бесконечное терзание до конца жизни, что испугалась однажды и упустила свое счастье. Подобные мысли не посещали ранее, но теперь я думаю, что нет ничего предосудительного в том, если наберусь смелости идти дальше. В противном случае я окажусь настоящим эгоистом, желающим отстаивать единоличное мнение, прожигающим жизнь в самодурстве и одиночестве. А мысль, что я бросаю Кристиана в тяжелый период его жизни, не оставит в покое.

Сегодня крайний день моего выдуманного больничного, который я использовала, чтобы не видеть Кристиана. Конечно же, моя изоляция пошла не по плану, но даже в этом случае идиотская ситуация с Беатрис проявилась. Я благодарна этому, потому что освободилась от обиды на Кристиана, породившей тяжесть в пояснице, но некоторое недопонимание в наших отношениях все-таки осталось, как осадок на

дне стакана. Когда не доводишь дела до конца, тебя мучит множество вопросов. Сейчас я уверена: если не внесу ясность в наши отношения, буду как на иголках с утра до вечера. У меня не получится спокойно работать в офисе, витая в облаках неопределенности, и поэтому, чтобы день не прошел впустую, нужно осмелиться наладить личные отношения или завершить их. Вопреки страху и сомнению, мои дрожащие руки уже натягивают джинсы с намерением наведаться к Кристиану в гости. Знаю, что большинство моих подруг меня не поддержит, но это лишь потому, что они никогда не чувствовали нечто подобное, что я испытываю к Кристиану. Да и поддержки от внутреннего ощущения в груди мне вполне достаточно. В последнее время я привыкла ему доверять. Привыкла настолько, что совсем позабыла, когда принимала решение от ума. Впрочем, иногда ситуация выходит из-под контроля, и все идет не по плану. А когда это случается, разочарование тащит за собой депрессивное состояние на несколько дней. Конечно, ум говорит, что я идиотка и нужно хоть иногда слушать советы подруг, но это происходит исключительно из-за глупой привычки полагать, что контроль над жизнью существует. Ум всегда думает, что у него все под контролем, поэтому я не удивляюсь.

Не так давно я пришла к осознанию того, что понимание принадлежности нашей жизни только Богу сняло с меня чувство вины перед всеми. Он всего лишь играет в игру с самим собой, чтобы познать себя через физический опыт, вопло-

тившись в каждом из нас. Сценарий и жизненные события давным-давно predeterminedены в любой ветке случающихся событий, а в реальности происходит событийный ряд, который невозможно предвидеть. Человек способен лишь предположить, что может произойти в будущем, которого, кстати, не существует. А чтобы идея о predeterminedности всего сущего была непостижимой, Бог наградил наш ум программой внутреннего эгоиста, которая, в принципе, и считает, что может контролировать жизнь. Когда я поняла, насколько очевиден вымышленный контроль над жизнью, меня бросило в слезы. Оказывается, это происходит настолько привычным образом в повседневности, что просто не остается времени заглянуть внутрь себя, потому как вектор внимания находится в решении бесконечных вопросов и придуманных проблем. А предвкушение сладкого самодовольства на финише только подпитывает мотивацию не сбавлять обороты на пути к своим целям. В принципе, вся наша жизнь — это путь к желаемой цели, спланированной в воображении. Вначале мы фантазируем, следом проводим расчеты, ну и, наконец, делаем первые шаги. Если все складывается благополучно, то наше Эго ликует, но, если нет, моментально начинает обвинять всех вокруг. Далее, вместо того чтобы принять свой сценарий и молча наблюдать, человек бросается в борьбу с неудачей, которая толкает мышление к работе над ошибками. После недолгого самоанализа обновленные знания запускают механизм попытки номер два. И вновь неуда-

ча. Опять разбитие о реальность. Снова внутренняя борьба и разочарование во всем. Обида на мир и пожизненная вина, которая запускает программу самоуничтожения организма путем алкоголя и прочих инструментов низких вибраций. Ведь всех обвинить гораздо проще, чем задаться вопросом: «Почему ничего не выходит, если я действительно контролирую свою жизнь?» А следом заглянуть внутрь себя ради поиска истины, которая растворит все шаблоны.

«Жизнь нам не принадлежит, ведь никакого „я“ не существует».

Пока Эго и ум тянут одеяло на себя, тело швыряет от одного разочарования к следующему, и будет это происходить до тех пор, пока не устанем от собственного контроля, чтобы наконец-то сдаться Творцу. Именно так приходит понимание и следом само осознается.

Самое интересное, что все разочарования и неудачи были предопределены еще до рождения нас. Ведь здесь предопределено все. Даже тот момент осознания, где человек понимает, что в жизни предопределено все, был уже предопределен заранее. Сейчас ловлю себя на мысли, что совершенно не помню, как данное знание попало мне. Но точно знаю, что об этом лучше никому не рассказывать. Это полная чушь для спящих, которых запрещено будить. К тому же беспокоиться не о чем. Все мы появляемся на свет, чтобы познавать себя. Знание приходит ко всем в определенное время, и самое интересное, что осознание неизбежно. Поэтому мож-

но расслабиться и продолжать борьбу с реальностью, чтобы когда-нибудь достигнуть чувства сытости в неудачах и разочарованиях. Ибо, пройдя через тьму, увидишь свет, но для этого необходимо наиграться в самоконтроль и собственное величие. Это и есть абсолютная любовь Бога. Его бесконечная игра. Прогонять себя через тернии, чтобы вспомнить, кто он такой.

Обладая данными знаниями, я все еще, к сожалению, допускаю ошибки: разбиваюсь о реальность, позабыв о внимании. Часто эмоции одерживают верх, я засыпаю наяву, но, слава Богу, отработанная практика внимания периодически выбрасывает в реальность, где все на своих местах. Где нечего добавлять и убавлять. Здесь все идеально. Именно так, как и задумал Творец. И только в этой полной тишине и абсолютном безмыслии наглядно показано, что страха не существует. Ничего не существует. Сейчас я совершенно ничего не боюсь. Летящей походкой иду к Кристиану, стараюсь ни о чем не думать. Мысли напоминают держать эмоции под контролем, чтобы не превратиться в спящего фантома, плывущего по течению бескрайней реки выдуманных проблем. Я прекрасно помню, что спокойное состояние обретается нами здесь и сейчас. Именно внутреннее самочувствие способно изменить внешние события, и никак иначе. Но мое тело привыкло пульсировать, отталкиваясь непосредственно от внешних декораций, ведь система приучила нас быть довольными, когда дела идут хорошо. Пока человечество не

поймет суть закона притяжения, где наглядно показано, что реальность — это наше внутреннее отражение, стресс и проблемы не исчезнут. Но когда придет знание о проработке программ, внешние декорации заиграют по заветным желаниям.

По дороге к Кристиану я настроилась на нужную волну. Я не ощущаю страха от предстоящего разговора и привычного волнения перед встречей. Решение пустить на самотек обстоятельства, чтобы отдать ситуацию в руки Вселенной, избавило меня от предвкушения результата и чувства вины. От переполняющей легкости не замечаю, как преодолеваю несколько кварталов пешком, чтобы сесть в автобус, идущий в нужный мне район. Устраиваюсь в удобном кресле, и приятный шум пространства заполняет уши моментально. Типичный запах салона автобуса (с преобладающими нотками выхлопных газов и велюровых сидений) смешивается со звуком дизельного двигателя в воздухе. Кажется, я готова пребывать в этом состоянии вечно, но нужная мне остановка напоминает, что пора выходить. Внимание жадно вливается в шум улицы, сбивая с толку концентрацию. Спустя пару секунд я возвращаю его в наблюдателя. И эта игра будет продолжаться, пока мне не надоест концентрироваться, чтобы уснуть в сценарии. Преодолевая узкий проулок, оказываюсь в спальном районе трехэтажек из коричневого кирпича, где живет Кристиан. Этот район считается одним из самых престижных в нашем городе. Купить квартиру здесь может поз-

волить себе не каждый, ведь ценники улетают в космос из-за расположения района, в котором царит тишина в гармонии с природой. Зато счастливые обладатели жилья имеют идеальный порядок, свежий воздух и даже отдельную парковку, что в наше время — диковина. Кристиан живет на втором этаже. Поднимаясь по ступенькам, представляю его удивленное лицо. Главное — не растеряться во время произнесения заготовленной речи, которую уже практически забыла. Стук в дверь заставляет вздрогнуть. Внезапная тяжесть внизу живота разгоняет неприятное ощущение. Когда шум шагов за дверью становится отчетливее, ощущаю опустошение, подобно бокалу холодного пива в жару.

— Эмили? — удивляется он.

— Кристиан! — выдавливаю с улыбкой.

Он делает шаг навстречу, поглядывая внутрь квартиры с опаской:

— Что ты тут делаешь?

Впившись в его каменный взгляд, называю себя полной эгоисткой. Он вновь отводит взгляд в сторону квартиры и возвращает обратно.

— Все в порядке?

— Ты не вовремя!

— Ты не один?

Кажется, мои губы дрожат.

— Сейчас не лучшее время выяснять отношения!

Он делает шаг навстречу, осторожно прикрывая дверь за

собой:

— Я вызову тебе такси. Так будет лучше.

— Ты меня за дуру держишь? У тебя там Беатрис?

Язык его тела выдает растерянность.

— Какая Беатрис? Ты о чем?

Чувствую, как меня бросает в холодный пот. Пока он пытается ответить, удерживая дверь в полуоткрытом состоянии, я ловко проскальзываю внутрь квартиры. Забытая во мне истеричка просыпается при виде девушки на кухне. Она бросает безразличный взгляд, продолжая элегантно потягивать кофе из фарфоровой чашки. Ее действия спокойные и уверенные, а выражение лица не скрывает легкого возмущения. Чувствую всем нутром, как меня переполняет ревность. Желание вцепиться в ее волосы затмевает рассудок, но я успеваю сказать:

— Вижу, ты не теряешь времени зря!

Кристиан имеет наглость усмехнуться в ответ.

— Я, наверное, помешала? — направляю вопрос той девушке, которая чувствует себя как дома.

Отпивая из чашки, она нагло отвечает:

— По правде говоря, да! Мы разговаривали.

Наглость этих двоих заставляет почувствовать себя лишней в помещении.

— И многих девушек ты приводишь к себе домой?

Кристиан вновь усмехается, но на этот раз решает ответить:

— Только тебя!

Наглая особа решает поддержать диалог:

— Значит, я, по-твоему, не девушка?

Кристиан с уверенно задранной подбородком отвечает, войдя на кухню:

— Тебя я не приводил! Ты сама пришла.

— Я вам не мешаю? — возмущаюсь в сторонке, разведя руки.

Дамочка с чашкой в руке направляет очередной вопрос Кристиану:

— Я так понимаю, это она?

Когда Кристиан кивает, она выбрасывает смешок в воздух:

— Да, братец. Ты точно влип!

— Братец? — переспрашиваю.

В мыслях происходит космический коллапс. Кристиан приобнимает меня за талию.

— Это моя сестра Майли!

Майли с высокомерным выражением лица тут же машет ладошкой.

— Сестра?

— Знакомьтесь! Майли, это Эмили. Эмили, это Майли!

Неожиданно ее рука тянется ко мне в знак приветствия. Мой удивленный взгляд утопает во множестве тонюсеньких золотых браслетов на ее запястье. На каждом пальце — по красивому колечку, большинство — с блестящими камуш-

ками. С трудом удается ответить на рукопожатие, ведь чувство стыда испепеляет на месте. Ее серые глаза — словно копия глаз Кристиана. Они бесподобно смотрятся на фоне ее белоснежных волос и красивой улыбки. Кивая в знак одобрения, она оборачивается к Кристиану:

— Договорим в следующий раз, когда придешь на семейный ужин. Отец будет рад тебя видеть!

Кристиан недовольно ведет носом, пока Майли продолжает:

— Не ломайся, Крис, вы давно не виделись!

— Не думаю, что нам есть о чем говорить! — обрывает он.

Не растерявшись, Майли проскальзывает мимо меня в коридор с намерением уйти. Добравшись до лакированных туфель, она говорит Кристиану:

— Уверена, ты примешь правильное решение!

— Думаю, я тебе все сказал, Майли! — Кристиан повторяет намного грубее обычного.

На секунду она замирает, чтобы в какой-то момент обернуться, и с глубоким вдохом произносит:

— Я прошу тебя. Подойди к этому с холодной головой. Ты неглупый парень.

Не дожидаясь ответа, Майли открывает дверь.

— Не провожайте. Ариведерчи!

Кристиан не сводит с нее глаз, пока дверь полностью не закрывается. Все это время я мысленно подбираю слова.

— Зачем ты здесь? — нежно спрашивает Кристиан.

В знак ответа мои губы неловко поджимаются.

— Я думал, мы все выяснили.

— Крис, не будь таким злым. Я пришла помириться.

— А мы ссорились?

Его брови поднимаются выше обычного, а в глазах просматривается привычное тепло.

— Ладно, присядь. Я сделаю чай.

Как обычно, повинуюсь ему. Пока он молчит, я пытаюсь объяснить дрожащим голосом. Мне неважно, что покажет тест на отцовство, ведь я решила быть с ним. Кристиан внимательно слушает, не отвлекаясь от процесса приготовления чая, но в какой-то момент невежливо перебивает:

— Мне это лестно, но не обманывай себя. Быть с человеком, у которого не пойми что происходит в жизни, — это большая ответственность!

— Кристиан, ты хочешь попробовать все сначала или нет? К чему эта болтовня?

Он фыркает и привычно усмехается:

— Конечно, хочу, но я не уверен, что это правильно.

— Да кто вообще устанавливает правила? — громко возмущаюсь.

Он оборачивается, наморщив лоб.

— А если я не хочу играть по правилам?

— Эмили, ты заблуждаешься.

— Знаешь, мне нелегко переступить через себя, но я хотя бы пытаюсь что-то делать.

— Эми, взгляни на меня. Я давно не был таким рассеянным. Меня словно выбили из колеи. Я и правда не хочу пудрить тебе голову. Ты заслуживаешь большего!

— Ты что, струсил?

— Вовсе нет! — выбрасывает с усмешкой.

— А для чего эти оправдания?

Кристиан пожимает плечами.

— Однажды ты зацепил меня своей уверенностью и мужеством. Я никогда раньше не сталкивалась с мужским характером и такой сильной харизмой. Еще недавно ты был непоколебим и решителен, а сейчас я вижу перед собой самого настоящего труса! Видимо, я и правда теряю время.

— Какой я тебе трус? — возмущается он.

— Самый обыкновенный!

Кристиан фыркает.

— Я ничего не боюсь, Эмили! Следи за словами!

— Ты боишься расстроить меня обстоятельствами, которые еще не произошли, но как ты можешь принимать за меня решения, если не способен взять на себя ответственность за наши отношения?

Кристиан бубнит вполголоса, поставив кружку чая возле моего носа:

— Я вообще не понимаю ни единого твоего слова!

Глубокий вдох — и философия пускается в бой.

— Откуда ты можешь знать, что будет завтра? Оно вообще может не наступить! Ты не можешь знать, как поступишь

через мгновение, а значит, нет смысла пытаться угадывать дальнейшие события. Давай просто пустим все на самотек.

— Зачем мне угадывать события? — ухмыляется Кристиан. — Я точно знаю, как поступлю, если тест покажет положительный результат!

— Нет, Кристиан! Ты только думаешь, что знаешь, а на деле ты не контролируешь ни один жизненный процесс!

— Как это — не контролирую? Я ежедневно все контролирую!

— Тебе это кажется, — отвечаю, натягивая улыбку, — а на самом деле контролировать здесь все пытается только Эго.

— Господи, ну какое Эго? — смеется он. — У меня вообще его нет! Посмотри на меня. Я всегда всего добиваюсь сам, невзирая на влиятельного отца. Я ни разу не пользовался его возможностями, и все, что у меня есть, — это только благодаря мне.

Он заставляет рассмеяться.

— Думаю, ты не совсем понимаешь определение слова «Эго»! Сейчас оно за тебя и говорит!

Кристиан тут же приходит в ярость:

— Ты пьяна?

— Нет, я просто пытаюсь объяснить, что мы не контролируем в этой жизни абсолютно ничего! И все, что есть у нас в жизни, отнюдь не благодаря нам. Все это сделал Бог, а мы лишь выбираем желаемый опыт, отталкиваясь от эмоций.

— На мне много чего завязано, Эмили! Если я перестану

это контролировать, то все пойдет к чертовой матери!

— Ты просто очень заиклен на себе, и это мешает замечать истинные процессы.

— Какие процессы?! — Кристиан начинает психовать.

Уже понимаю, что зря ввязываюсь в эту бессмысленную беседу, но азарт поделиться информацией берет верх.

— Я попробую объяснить, но обещаю, что будешь отвечать на мои вопросы искренне.

— Валяй! — отмахивается он.

— Ты и правда считаешь, что способен контролировать свою жизнь?

— Да! — восклицает он.

— Соответственно, каждый жизненный процесс находится под твоим контролем?

Кристиан скрещивает руки на груди, скорчив высокомерное выражение лица.

— Не думай долго, Крис. Отвечай, что первое приходит в голову.

— Глупо так не считать, Эми! — бубнит он.

— Хорошо! Тогда потрудись объяснить, как ты контролируешь свое дыхание?

Кристиан призадумался на секунду, перед тем как утвердить:

— Дыхание — это единственное, что люди не могут контролировать!

— Единственное? — наигранно удивляюсь я. — А как же

сердцебиение? Его ты контролируешь?

— Ой, Эмили. Знаешь что!

— Крис, ты обещал, что ответственно подойдешь к разговору!

Он отходит к окну, закуривает сигарету и после очередного дымового колечка шепчет:

— Ладно! Продолжай.

Набрав полную грудь воздуха, начинаю объяснять от меньшего к большему:

— Дыхание и сердцебиение — это такие же неконтролируемые человеком процессы, как и работа всех твоих органов. Ты не способен контролировать процесс обновления клеток организма, ровно так же, как не контролируешь свои шаги, когда идешь по улице. Ноги сами ведут в нужное место, а ты не придаешь этому усилий. Все происходит на автомате, как и любой жизненный процесс вокруг тебя. Говорение происходит на автомате. Ты не знаешь, какое будет твое следующее слово, пока не произнесешь его, верно?

— Перед тем как произнести слово, я вначале думаю, о чем буду говорить! — типично рассуждает он. — Соответственно, я уже знаю, что скажу через секунду.

— Это называется «мысли», Кристиан! — перебиваю его. — И свою следующую мысль ты отнюдь не знаешь.

— Я знаю свою следующую мысль! — утверждает грубо.

— И какая она?

Мне смешно от его напыщенности, но я держусь, потому

как сама была однажды такой самоуверенной.

Кристиан замолчал, наморщив лоб.

— Эмили, может, хватит этой головоломки?

— Какая здесь может быть головоломка, если для тебя самоконтроль проще пареной репы! Просто ответь. Ты и правда знаешь свою следующую мысль?

Он делает глоток чая, пытаясь нащупать подходящие ответы. Спустя пару секунд тишины говорит:

— Ладно! Я не знаю свою следующую мысль, но я могу ее выбирать!

— Если ты не знаешь свою следующую мысль, как ты можешь ее выбирать?

— Очень легко! — ухмыляется он. — Мне достаточно подумать над тем, какую мысль выбрать, и она приходит незамедлительно.

— А разве ты не догадываешься, что, когда ты решил о чем-то подумать, это такая же мысль? «Подумать» — это мысль, Кристиан! Очнись! Еще минуту назад ты и предположить не мог, что захочешь о чем-либо подумать.

— Получается... — бубнит он.

— Получается, что вначале к тебе пришла мысль подумать о чем-либо. Далее твой ум провозгласил ее своей идеей. После чего запустился механизм так называемого думания из подсознательной фонотеки. А ты наивно решил, что всем этим процессом управляешь сам.

Его брови напряжены, а в глазах отображается несогласие.

— Сделать что-то — это тоже мысль, — продолжаю я. — Все, что есть в твоей голове, — это мыслительный процесс, который ты не контролируешь! Мысли, как информационный мусор, летают сами по себе. Ты не выбираешь, какие мысли к тебе придут, но ты можешь выбрать, какие наделять энергией, а какие — нет.

— Эми, ты хочешь мне сломать мозг?

— Я хочу, чтобы ты наконец понял, что мы не контролируем жизнь хотя бы потому, что не знаем свои следующие мысли! Они приходят как данность, а ум моментально присваивает их себе. Если мысль нравится, внимание подкрепляет ее эмоциями и наполняет энергией. А наша энергия является самой настоящей пищей для мыслей. И вот, пока мы их кормим, они живут, управляя нашим телом, чтобы материализовать себя в физическом мире. Но это уже другая тема. Для начала ты должен понять, что мысль — это обычное явление, как и любое явление в природе. Дождь — это тоже явление. Мы не знаем, когда он пойдет и когда закончится. Не знаем, какая завтра будет погода. Мы не в состоянии контролировать ни одно явление жизненного процесса, потому как всем этим занимается Бог. А наши мысли — это такое же явление, которое приходит как данность.

— Эмили, я знаю, какая завтра будет погода! — перебивает Кристиан, словно и не слушал, что я говорила до этого. — Для этого есть интернет!

— А если выключить интернет? Как ты узнаешь, какая

будет завтра погода?

— А зачем его выключать? — усмехается он.

— Хорошо. Разве интернет всегда показывает правду? Или, может, он способен показать, какая будет погода через полгода? Скажем, тринадцатого декабря?

Кристиан смеется во весь голос:

— Ну, так далеко технологии еще не зашли!

Он начинает раздражать своей тупостью. Еще немного — и я точно выйду из себя.

— Крис! Я не собираюсь соревноваться с твоим умом. Это бессмысленная затея. Я пытаюсь изо всех сил открыть твои глаза на то, что на самом деле здесь происходит. А ты насмехаешься надо мной! Я правда стараюсь помочь. Это очень ценная информация, а ты, вместо того чтобы задуматься, стоишь на своих убеждениях.

— Чем ты мне помогаешь, Эми? Тем, что рассказываешь о дожде и о мыслях?

— Тем, что ты полный идиот! — обрываю нервно.

Кристиан смеется еще громче. Я ловлю себя на том, что нахожусь в сильнейшем эмоциональном состоянии. Да я просто в бешенстве! Матрица смеется надо мной, подарив самонадеянного болвана. Стараюсь распределить внимание на дыхание в попытках себя успокоить. Спустя пару глубоких вдохов приходит осознание, что Кристиан — глубоко спящий фантом, который поймет это еще не скоро. Возможно, я достучусь до него однажды, но на сегодня достаточно.

— Итак, Эми, — продолжает он издеваться, — мы не контролируем свои мысли! Так?

— Я не хочу с тобой больше разговаривать на эту тему, Крис! Ты несерьезен.

— Да брось. Я ведь шучу.

— Я просила тебя подойти к разговору искренне, но не шутить со мной.

— Ну, мне правда непонятно, как связан самоконтроль с природой! Мне кажется, ты сама не совсем понимаешь разницу.

— Кристиан, мы просто на разных уровнях мышления! И суть жизненной игры в том, готов ли человек другого уровня спуститься на уровень собеседника, чтобы объяснить, как устроен мир. Я готова тебе помогать, но ты идиот! Ты меня вообще не слушаешь!

— Ну вот! Давно не слышал от тебя гадостей. А я всего лишь спросил, в чем разница между природой и контролем жизни.

— В том-то и дело, что разницы нет, — отвечаю на выдохе. — Это одно и то же! Жизнь — это единый процесс. Ты не можешь контролировать свою жизнь, потому как не знаешь свою следующую мысль. А если ты не знаешь, в какую сторону тебя понесет, о каком самоконтроле может идти речь?

— Например, о контроле своей работы! — отвечает он.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... допустим, когда я занимаюсь своим делом, я пол-

ностью уверен, что контролирую весь процесс от и до!

— Да? А если этот процесс пойдет не по плану? — спрашиваю у него на эмоциях.

Пожав плечами, Кристиан банально отвечает:

— Это называется «неудача»!

— О какой неудаче может идти речь, если ты все контролируешь?

— Ну так бывает, Эмили! В жизни иногда случаются неудачи!

— Тогда выходит, что ты хреновый контролер! Раз у тебя случаются неудачи.

Кристиан вновь сопровождает мои слова смехом, но я уже на взводе:

— Вот представь! В один ясный день зайдет солнце и наступит ночь. Скажем, в обед. Как ты к этому отнесешься?

— Я максимально удивлюсь! — утверждает он.

— А почему ты не удивляешься каждой неудаче, если считаешь, что у тебя все под контролем?

Кристиан делает вид, что призадумался на мгновение.

— Пойми, это то же самое! Мы ничего здесь не контролируем. Все само происходит. Наши дела делаются сами, подобно тому, как солнце восходит и садится, а единственное, что у нас есть, — это выбор опыта, который мы хотим испытать. И выбор — это тоже мысль, которую ты не знал до того, пока она не появилась.

— Эмили, тебе не кажется, что ты слишком много чита-

еешь книжек?

— А тебе не кажется, что ты душный?

— Ну, прекращай уже.

— Да ну тебя!

— Не обижайся! Просто моя голова забита другими проблемами.

— Крис, проблем не существует! Они есть только в твоей голове. Ты сам создаешь их.

— Как я мог создать себе проблему с Беатрис и Майли?

— А что с Майли? — удивляюсь.

— Она предлагает выкупить мою долю в семейном бизнесе. Я не приношу пользы их фабрике, а значит, просто так удерживаю пакет незаслуженных акций.

— И где здесь проблема? Насколько мне известно, ты плевать хотел на этот бизнес. Просто продай свою долю — и все.

— Эмили, ты многого не знаешь! — отмахивается он.

— Так поделись со мной!

Он отводит голову в сторону окна, с трудом выдохнув:

— Может, когда-нибудь и поделюсь.

Неожиданно он встает, чтобы подойти к окну. Смотря вдаль, он фыркает и с усмешкой качает головой.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Кажется, до меня кое-что дошло. Это касается Беатрис.

— И что же?

— Не знаю, как это объяснить, но, когда мы были вместе, я прокручивал в мыслях один из сценариев наших отношений,

походивший на историю из фильма, который однажды меня удивил. Это был фильм о любви.

— Расскажешь?

— Это банальная история о парне с девушкой, которые решили расстаться, когда их отношения зашли в тупик. Причин для расставания было много. Он часто выпивал, пропадавал с друзьями, вел бандитский образ жизни и занимался прочей ерундой. Она, естественно, этого не одобряла. Но суть не в этом. Они расстались, и спустя несколько лет тот парень встретил ее в городе с ребенком. Они мило перекинулись банальными фразами и разошлись в разные стороны, но все бы ничего, если бы не подозрительная схожесть во внешности с ребенком, которую невозможно было скрыть. Того парня поглотил ужас, который не давал спать по ночам. Все буквально валилось из рук, и мысли были только об этом ребенке. В какой-то момент он собрался с силами, чтобы прояснить ситуацию с той девушкой, и под его натиском она призналась, что это и правда его ребенок. Итог этого фильма благополучный. Они друг друга простили и вновь сошлись вместе навсегда, но мои эмоции от просмотра настолько пропитались возмущением, что я не мог просто так оставить эту тему в покое. Часто я прокручивал этот сценарий в голове, пока сам не захотел испытать нечто подобное на собственной шкуре. Видимо, тогда мне казалось, что похожая ситуация в жизни доставит мне удовольствие, а жуткий интерес узнать, как бы я поступил на месте того парня,

начал жить во мне. Ну а сегодня я действительно оказался на его месте. Теперь не знаю, совпадение это или плод моего воображения.

Я просто в ужасе от услышанного, но не могу не оставить свой комментарий:

— Ты очень правильно выразился. Это самый настоящий плод твоего воображения, который воплотился благодаря закону притяжения.

— Закону чего?

— Притяжения! Это когда притягиваешь в свою жизнь то, о чем думаешь. Буквально пять минут назад я пыталась тебе это объяснить на примере мыслей. Вспомни, что вначале мысль приходит, а следом присваивается умом. Далее идет анализ: нравится, не нравится. Если нравится, то наделяется энергией, то есть твоим вниманием. И чем чаще ты наделяешь мысль вниманием, тем более вероятно, что с тобой это произойдет. Все очень просто.

— Логика здесь есть, но я не ожидал, что это настолько серьезно, — отвечает он.

— Ты ожидал! Не обманывай себя. Ты сам к себе это притянул, потому как безумно хотел получить подобный опыт.

— Возможно, это так, но теперь я не знаю, что с этим делать!

— Делай что должен. Это всего лишь твой опыт, который следует пройти. Он уже происходит в настоящем моменте, и от него никуда не деться. Тебе не стоит забивать голову хотя

бы потому, что ты не знаешь, как поступишь в момент, когда настанет время принимать решение. Ведь ты не знаешь свою следующую мысль! Не забывай об этом.

— Эмили, мне кажется, ты не зря пришла сегодня. Мне ничего не понятно из того, что ты сказала, но однозначно стало легче. Теперь будет о чем подумать перед сном.

— В жизни ничего не бывает зря, — по-прежнему пытаюсь умничать вслух, — все находится на своих местах.

Молча обдумав свои мысли, он кашляет в кулак и говорит:

— Останешься у меня?

— Так мы помирились? — наклоняю голову.

— Мы и не ссорились! — уверяет неловко. — Просто я хотел взять паузу, пока не прояснится моя ситуация.

— Ну, раз мы берем паузу, тогда я буду ночевать дома. Я приподнимаюсь с пуфика, чтобы покинуть логово самого дьявола.

— Я тебя отвезу!

— Пауза, Крис! Сам предложил. Я вызываю такси.

Наконец, мы подытожили. Это не совсем то, чего я ожидала, но уже лучше, чем до этого. Пауза в отношениях — это тоже этап. На этом и остановимся. Кристиан провожает в прихожую, где внимательно следит за моим неуклюжим процессом надевания кроссовок. Накинув шлепки, он хватается за тонкую ветровку на всякий случай, и мы выходим из квартиры. У подъезда ожидает машина. В этот район такси приезжает быстро, поэтому у нас не остается времени на разго-

воры. Я решаю подытожить простым объятием без поцелуя, но он прижимает меня к себе намного дольше, чем я ожидала. За это время его проклятый запах парфюма прилипает к моим щекам, который я не осмелюсь смыть перед сном. А его тяжелое дыхание, ощущаемое на волосах, заставляет вздрогнуть.

В этот раз я не провожаю его взглядом через окно уезжающего автомобиля. Боюсь, моя выдержка первой нарушит режим паузы. Мысли настаивают держаться от него подальше, а раз так, самое время притвориться, будто ищу в своей сумочке нужную вещь. Только когда водитель нажимает на газ, наступает легкое расслабление. Теперь я могу спокойно раствориться в его запахе во время поездки.

Мое вчерашнее намерение развеять внутреннюю тревогу после разговора с Кристианом растворилось этим утром. Волнение оказаться в офисе перед коллегами, мусолившими тему дня, возросло с новой силой. Завязанные на безразличии к окружающему мнению мысли напоминают, что сейчас самое время выпрямить спину и шагнуть в ад, но мнительная личность жаждет спрятаться от этого мира подальше. Вхожу в офис, и Клэр попадаетесь на глаза. Она сломя голову бежит навстречу. Наша встреча сопровождается громким визгом на весь офис.

— Ну наконец-то! Нам столько нужно обсудить. Пошли.

Лишив права голоса своей нескончаемой болтовней, она тащит меня на кухню. В ее словах ищу паузу, чтобы воспользоваться моментом.

— погоди! Мне нужно к Смиуту! — одергиваю руку.

— Зачем?

— Отметиться после больничного!

Клэр кривит губы в улыбке:

— Здесь так никто не делает!

Очень странно, но на предыдущем месте работы мне приходилось являться к шефу после отсутствия.

— Я думала, он меня ждет, — говорю ей, переступая порог кухни.

— Подождет, никуда не денется! — смело уверяет она. — Кстати, ты уже в курсе местных сплетен?

— Ты о Кристиане?

Клэр кивает, потянувшись за кружками к верхней полке.

— Думаю, уже половина Бруклина в курсе, — выдавливаю с усмешкой.

— Надеюсь, у вас ничего не было. А то нашим болтунам только дай повод для обсуждений.

В ответ на мое странное молчание она оборачивается, вылупив глаза:

— Нет! Неужели?

Пытаюсь спрятать глаза от ее пронзительного взгляда. Клэр садится напротив, складывает руки перед собой и говорит:

— Колись давай!

Положение, мягко говоря, неудобное. Приходится встать во избежание визуального контакта. Терпеть не могу, когда на меня пялятся.

— Я сама во всем виновата! — выдавливаю из себя. — Не стоило подпускать его к себе так близко.

Клэр замолкает на мгновение, пока я наполняю кружки кипятком, в которых уже по два кубика сахара и немного заварки. Размешиваю маленькой ложкой содержимое в надежде увидеть подходящие мысли для истории. Тишину прерывает ее легкое фырканье:

— А знаешь, я не удивлена! Всегда знала, что мужики

одинаковые. Они только врут и пользуются нашими чувствами.

— Он не врал мне, — отвечаю нехотя, играя чайной ложкой в кружке.

— Не защищай его!

— Я не защищаю! Он искренне признался, что ничего не знал о ребенке! — добавляю.

Выглядит так, будто я правда его защищаю. Клэр прикусывает нижнюю губу.

— Да-а уж. Поверить не могу, что Беатрис могла так поступить. Кто вообще так делает? Дура недобитая. Но, кстати, если уж по справедливости, то Кристиан все равно козел. До сих пор перед глазами его милые лобызания с той крысой на корпоративе. Ему только дай повод и короткую юбку.

— А это он делал назло мне! — с легким смешком вновь его оправдываю.

Клэр щурит глаза:

— Постой! Хочешь сказать, что у вас это случилось до корпоратива?

— Еще в Торонто! — шепчу, уставившись в стол.

Ее ладонь слегка ударяет по столешнице, чтобы привлечь мое внимание.

— Прямо служебный роман какой-то.

— Все как в сериале.

— Он тебя бросил?

Я стараюсь сдержать улыбку, но у меня не выходит. Уж

больно комичным выглядит ее лицо с наморщенным лбом.

— Никто никого не бросал, — отвечаю лишь.

— Тогда я вообще ничего не понимаю! Ты мне до сих пор ничего не рассказала, а после корпоратива сбежала на больничный. Я тут с ума схожу от недостатка информации.

Ну конечно. Она сходит с ума. А я? Кто-нибудь подумал обо мне? Знала бы она, что я терпеть не могу разговоры о личной жизни, но отвертеться не получится. Под давлением ее назойливого интереса приходится рассказать хоть что-то, а то она меня сожрет. Когда перехожу к логическому завершению, она вновь бьет ладонью по столу.

— Издеваешься? А детали? Сплетни?

— Я говорю правду. Обсуждать здесь нечего, — пожимаю плечами, — он хорош во всем. По крайней мере, сравнивать не с кем.

— Как оказалось, не во всем!

Мой лоб хмурится в непонимании.

— Теперь он холостяк с прицепом! — напоминает Клэр, пока я намеренно обжигаю язык горячим чаем.

— Это точно.

— И что будете делать?

— Мы решили взять паузу в отношениях.

— Да какие тут могут быть отношения! — заводится Клэр ни с того ни с сего. — Нахрена тебе сдался этот красивый фантик с прицепом проблем?

— Может, потому, что я влюбилась? — пытаюсь аккуратно-

но напомнить ей о своих чувствах.

— Да ты послушай только! Беатрис с него не слезет. А тебя доконает своим частым присутствием в его жизни, пока ты сама не отвалишь. Кристиан не сможет уделять тебе столько внимания, сколько необходимо для здоровых отношений, ведь маленькая заноза в заднице и придурковатая мамаша будут мелькать перед глазами. Это чужой мужчина, Эми! Бросай его, пока не поздно. Я очень за тебя переживаю.

— Есть возможность, что это не его ребенок! — Посматриваю на нее исподлобья.

Клэр закатывает глаза:

— Не поняла?

Раз уж я проговорилась, вынуждена признаться, что Кристиан намерен сделать тест на отцовство. И если он окажется отрицательным, то Беатрис полетит ко всем чертям. Клэр прислоняет ладонь ко лбу и закрывает глаза, покачивая головой:

— Да-а, девочка! Нормально он тебя обработал!

— Что ты имеешь в виду?

— Ну вот поставь себя на место Беатрис. Есть ли смысл врать Кристиану, если он легко опровергнет это банальным тестом на отцовство? Она только испортит себе репутацию. Она же не дура! Хотя с этим можно еще поспорить.

— И почему я сразу об этом не подумала? — шепчу вполголоса, потирая нос.

— Потому что он тебе мозги запудрил! — напоминает

она. — Послушай! Я давно знаю Кристиана и его бывшую. Беатрис ничего не делает просто так! Не сомневаюсь, что у нее все схвачено. У нее однозначно есть план, и ты в нем — враг номер один. Она сожрет тебя и не подавится.

— И что ты предлагаешь?

— Выбрось его из головы и займись карьерой, ради которой проделала огромный путь. Твой человек от тебя не уйдет! — уверяет она.

— А что, если мой человек — это Кристиан?

— Эмили. У этого засранца есть ребенок! Ре-бе-нок! Слышишь? Проснись! Ты меня пугаешь.

Она в чем-то права, но мои чувства противоречат ее словам. Легко раздавать советы, когда ты не влюблена.

— А если я тоже рожу от него? — предполагаю вслух, закидывая конфету в рот.

Клэр приподнимает брови еще выше:

— Ты точно оторвана от реальности! Надеюсь, ты не беременна?

Не могу удержаться, чтобы не подразнить ее. Беру паузу в пару секунд, притворяясь растерянной. Когда в ее глазах разгорается огонь от удивления, я выдавливаю улыбку:

— Да забей. Конечно, нет.

Клэр расслабленно выдыхает.

— Я тебя прибую! — смеется она, чтобы пояснить свое представление о мужчинах.

Клэр убежденно заявляет, что вокруг одни бабники, не

имеющие навыков уважения женщин. И, перед тем как решиться на такой ответственный шаг, нужно для начала получить соответствующую поддержку и заботу. А пока у мужчин в голове лишь ветер, она лучше будет одна, чем свяжет жизнь с кем попало.

— А ты не связывай жизнь с кем попало, — осмеливаюсь перебить ее. — Нормальных мужчин очень много!

Ее бросает в смех.

— Ты, видно, и правда с другой планеты. На моем пути не попадались нормальные, — усмехается она.

— Тебе попадаютсч мужчину твоего уровня восприятия, — я пытаюсь объяснять аккуратно, чтобы это не выглядело, будто я умничаю.

Обычно я никогда не даю советов. Я сама пока не во всем разбираюсь, чтобы кого-то учить. Но, поскольку я уяснила достаточно из собственного опыта, чтобы справиться с собственными программами ума, разговор с Клэр становится в виде исключения.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает она, пока я призадумываюсь.

— Ты познаешь только то, в чем убеждена твоя личность. Это твое внутреннее восприятие внешнего мира. Вселенная дает нам то, о чем мы ее просим. Она всегда говорит нам «да».

Клэр начинает противиться моим словам. Это сопровождается громким цоканьем языком.

— Эмили, я не прошу Вселенную, чтобы она давала мне бабников! Наоборот, я не хочу видеть в своей жизни таких парней. Но, как назло, мне попадаются именно они.

— Ты действительно не понимаешь, в чем здесь дело? — улыбаюсь в ответ.

Она вылупляет глаза.

— Когда о чем-то просишь Вселенную, ты подтверждаешь своим вибрационным фоном, что у тебя этого сейчас нет. Таким образом ты излучаешь нехватку и потребность. А Вселенная не понимает простых слов. Для нее это просто звук. Обыкновенный набор букв. Она общается с нами на уровне вибрационных частот, которые мы излучаем. И пока ты излучаешь потребность, остаешься обделенной. Другими словами, пока излучаешь нехватку — получаешь нехватку. А если проявишь достаток и полноценность, увидишь это перед собой.

Клэр смотрит ровно так же, как вчера смотрел Кристиан. Слегка недоверчиво и даже сомнительно.

— То есть... я нахожусь на волне мужиков-бабников? — она насмехается надо мной.

— Пускай будет так, — отвечаю ей.

— Бред какой-то!

— Это не бред, а закон притяжения. Какие мысли крутишь, ту картину и видишь.

Закусив губу, она отвечает:

— Ты говоришь о силе мысли?

— Можно сказать и так.

— Эта хрень не работает! — фыркает она. — Я уже много раз пробовала. И потом, мне сейчас не нужен мужчина. Я и без них справляюсь.

Все, что я говорила до этого, залетело ей в одно ухо и вылетело из другого. Я не испытываю восторга от общения со спящими людьми, которыми управляют программы, но Клэр мне нравится. Я хочу, чтобы обида на мужчин в ее голове растаяла как снежинка. Для этого нужно попытаться еще раз.

— А давай сегодня вечером устроим посиделки? — предлагаю ей. — Думаю, нам есть о чем поговорить.

— Хорошая идея! Может, ко мне?

— Я только за!

Когда соглашаюсь, мужской голос за спиной заставляет вздрогнуть.

Мы замечаем парня, из-за которого на корпоративе произошла драка. Он стоит, облокотившись спиной на кухонный гарнитур потягивая чай.

— Получается, что у тебя сегодня вечеринка? — спрашивает он, глядя на Клэр.

— Господи, Фред! Как долго ты здесь стоишь?

Он кривит лицо, глядя то на меня, то на нее, а затем отвечает веселой издевкой:

— Не знаю. Минуту или, может, десять минут. Точно сказать сложно, но, уверяю, я практически не подслушивал. Я

ничего не понял, кроме ненависти к мужчинам.

— Отвали! — огрызается Клэр.

— Я бы не стал на твоём месте так отвечать мне, — произносит Фред. — Меня привлекают злые женщины! А ты — так тем более. Ты себе представить не можешь, насколько выглядишь сексуально, когда злишься.

Клэр обращается ко мне, игнорируя его взгляд:

— Я же говорила! У них все мысли только об одном.

— Зато мы честные, — встревает Фред.

— Выходит, что на корпоративе ты получил в морду за честность? — спрашивает она у Фреда, и его довольное лицо кривится.

— Кто знал, что Эмили — девушка Кристиана? — он пытается себя оправдать.

В эту секунду неудобно становится мне.

— Эмили! Я как раз собирался извиниться за тот вечер!

В его голосе слышатся наигранная искренность и частичка страха. Клэр обрывает его попытки раскаяться, вытягивая меня на балкон:

— Отвали от нее, Фред! Ты уже показал себя.

Молча и принужденно ускользаем на свежий воздух. Закуриваем сигареты, глядя на проезжающие вдали машины. После второй затяжки Клэр решает вспомнить нашу беседу:

— Этого идиота я тоже к себе притянула? Или это ты?

— Думаю, мы обе постарались! — весело отвечаю.

Только мы его вспомнили, он тут же составляет нам ком-

панию для перекура. Недовольство Клэр заметно по ее сжатым кулакам и залитым гневом глазам.

— Ты можешь отвалить от нас? — спрашивает она аккуратно.

— Откуда столько сомнений? — спокойно интересуется он, вынимая пачку сигарет из кармана. — Я просто вышел покурить.

— А по-моему, ты преследуешь нас!

Фред рассматривает соседний небоскреб с улыбкой:

— Да кому вы нужны! Меня не интересуют феминистки.

Клэр тут же издает возмущенный писк.

— Я тебя огорчу! Все женщины — феминистки! — ее голос уверенный и самодовольный.

Фред назло усмехается, даже не обернувшись:

— Феминистки — это те, кто не согласен со своей природой! А еще это самые настоящие эгоистки, которые, кроме себя, никого не видят. Но я знаю женщин, которых ваше движение не волнует. У них есть дела поважнее. Поэтому не все женщины — феминистки, Клэр. Говори за себя!

— Что значит «не согласны со своей природой»?

Она явно прицепилась к нему.

Фред уже жалеет, что ввязался в обреченный на проигрыш диалог, но пока не подает виду. Он спокойно выдыхает дым перед собой, наслаждаясь процессом курения.

— Женщина, которая понимает свою сущность, никогда не станет лезть в мужские дела! — шепчет он.

— Нормально! — ухмыляется Клэр. — А кто лезет в мужские дела?

— Разве это не основная задача феминизма? — удивляется Фред. — Желание женщин уравниваться в правах с мужчинами во всем — это и значит заниматься чужим делом! Вы ведь не только выступаете за репродуктивные права, а еще стремитесь к гендерному равенству, затрагивая политические нюансы.

— Ну и что плохого в гендерном равенстве? — спрашивает Клэр.

— А что хорошего? — удивляется Фред. — Знаешь, почему некоторые политические аспекты феминизма никогда не будут рассмотрены всерьез?

Клэр заинтересованно кивает, прищулив глаза.

— Потому что женщиной правит единоличие и страх!

— Ребят, — встречаю я, — может, прекратим этот разговор, который не имеет начала и конца?

Клэр отмахивается от меня рукой:

— Пускай этот умник вначале объяснит, что имеет в виду!

Фред вновь ухмыляется.

— Что бы я ни пытался тебе объяснить, ты никогда не согласишься с этим, — отвечает он, — потому что свято веришь в идею, что: женщина всегда права!

— Конечно, права! — Клэр поддается своим убеждениям.

— В принципе, что и требовалось доказать! — дополняет Фред с усмешкой. — Женщина — это эмоционально неста-

бильный человек, который живет эмоциями. Это не хорошо и не плохо, просто такая вот природная закономерность. Но только этой закономерности достаточно, чтобы никогда не уравнивать женские права с мужскими хотя бы в политической сфере, ведь тот, кто принимает решения на эмоциях и всегда остается себе на уме, не в состоянии понимать остальных людей. А тем более мужчин, потому как для феминистки мужское мнение — ничто. И, кстати говоря, отсюда рождается презрение и ненависть, ведь когда феминистка утверждает, что «женщина во всем права», она автоматически дает понять мужчинам, что их мнение ничего не значит.

Клэр начинает громко хохотать во весь голос, в котором слышится наигранность.

— А что смешного? — недопонимает он. — Это походит на историю из детского сада, где дети доказывают друг другу, у кого фантиков больше. А еще тебе стоит учитывать свою врожденную манипуляцию, которая исходит из неуверенности в себе и многочисленных страхов, преследующих женщину по жизни с раннего детства.

— Ты что, у нас психолог? — язвит Клэр.

— Я просто привожу факты, которые ты не примешь, ведь мое мнение для тебя не имеет никакого значения. Ты женщина, а значит, всегда права. Мне с тобой не о чем говорить... — Фред делает пару шагов в сторону, увеличивая дистанцию между собой и Клэр.

— Ты хочешь сказать, что женщина принимает решения

исключительно на эмоциях? — Клэр все-таки решает разворошить этот муравейник.

— Большинство своих решений! — подчеркивает Фред.

— А мужчина, значит, нет?

— Безусловно, это так! — соглашается он. — Но только мужчина не перекладывает ответственность на женщину, когда неверное решение сталкивает его с трудностями. Он решает все сам. А женщина, столкнувшись с грузом проблем из-за единоличного решения, принятого на эмоциях, взваливает ответственность на своего мужчину с позицией: «Ты мужчина, вот и решай!»

— Все правильно! — Клэр делает вид, что не понимает.

— Что правильного? — Фред возвращается на шаг ближе к ней. — Когда ты говоришь мужчине: «Ты мужчина, ты и решай» — в этот момент подтверждается факт собственной слабости. Ты прямо даешь понять мужчине, что он сильнее. Что он — мужчина, а ты — женщина. Куда пропадает феминизм в таких случаях?

Клэр замешкалась.

— И вообще... объясни, почему мужчина должен решать проблемы женщины, возникшие из-за принятия единоличного решения и глупого самомнения о том, что она права? Ведь в большинстве случаев так и происходит. Женщина не слушает мужчину перед принятием решения на эмоциях. Виной тому тенденция, что «женщина всегда права». Вначале она прямо дает понять мужчине, что его мнение ничего не

стоит, а когда груз ответственности на ее плечах становится неподъемным, женщина неожиданно вспоминает, что она все-таки женщина, и взваливает все на мужчину. Здесь зреет вопрос. Для чего нужен феминизм, если он не помогает в трудных ситуациях? Он, как раз-таки наоборот, только подтверждает женщине, что она — слабый пол, у которого свои задачи в этом мире. Эти задачи полегче, но при этом они не менее важные. Без обесценивания! Но зачем смотреть правде в глаза, если заниматься не своим делом куда интереснее.

— То есть женщина — слабое существо, которое не способно справиться с мужскими делами? — продолжает она.

— В кого ты такая упрямая? — Фред начинает смеяться во весь голос. — Я тебе только что объяснил. Лучше скажи, с чего ты вдруг решила, что мужчины считают женщин слабыми?

— Ты только что сам об этом сказал! — утверждает она.

Фред покачивает головой из стороны в сторону, показывая легкую раздражительность:

— Я ей про Ивана, она мне про болвана! Я стараюсь приводить факты поведенческой регуляции психики женщин, а ты плавно переходишь к определению слабости. То, что женщина слабее мужчины физически, — это факт! — продолжает Фред. — Это даже не нуждается в объяснении. А раз женщина слабее, значит, она не справится с мужскими делами, требующими физической выносливости и силы.

— Может, физически и правда слабее, — нехотя соглашается Клэр, — но есть женщины, которые выполняют мужскую работу, а оплата их труда на порядок ниже! Наше желание о равенстве заключается в одинаковой оплате труда и справедливости.

— Во-первых, ты сексист! — утверждает Фред. — Во-вторых, о какой справедливости идет речь? Чтобы оплата труда не имела для тебя различий, попробуй для начала выполнить одну и ту же работу наравне с мужчиной, — отрезает он. — Или слабо?

Клэр молча сверлит его взглядом, но Фред завелся не на шутку:

— У мужчин нагрузка выше, а значит, и зарплата будет больше. У каждого вида деятельности имеются свои задачи. Мужчины и женщины занимаются тем, что им ближе по природе. Мужские виды деятельности требуют большей силы и выносливости, а некоторые женщины лезут не в свое дело, пытаясь доказать всему миру, что они тоже могут выполнять данную работу. И самое интересное, что в этом никто не сомневается, просто нет никакой необходимости рвать и метать, когда мужчина сделает свое дело лучше и быстрее!

— Ну конечно! — фыркает Клэр.

Оглядываясь и замечаю несколько женщин возле нас. Их определенно заинтересовал наш разговор, поэтому они подошли поближе.

— Женщина тоже может выполнять работу наравне с

мужчиной! — дополняет Клэр.

— Да? — язвит Фред. — Тогда почему ты работаешь в офисе, перебирая бумажки? Кто тебе мешает прямо сейчас устроиться на работу в кругу мужчин и показать результат?

— Никто не мешает, — оправдывается Клэр, — просто я услышу смешки со стороны мужчин.

— Конечно, услышишь! — хохочет Фред. — Ровно так же и мужчина услышит презрение со стороны женщин, когда будет заниматься не своим, «женским» делом. Но проблема не в этом. Суть в том, что тебе это не нужно! Никакой женщине не нужны мужские заботы.

Фред заметно вошел во вкус. Он жестикулирует руками, шагая на месте влево-вправо.

— Представьте тот день, когда уравнивали женские права с мужскими, — продолжает он. — Неужели кто-то из вас целенаправленно решит заниматься ранее считавшейся мужской работой? Да ни одна женщина в современном мире не захочет учиться на тракториста, чтобы пахать поле с трех часов утра, или на автомеханика, чтобы по локоть в мазуте крутить гайки двенадцать часов подряд.

— Почему ты так уверен? — спрашивает Клэр. — Ты решаешь за всех женщин?

Он ухмыляется десятый раз за сегодня.

— Во-первых, это вы принимаете решение за всех женщин, когда равняете их под свою гребенку феминисток! — заявляет Фред. — А во-вторых, вам никто не мешает зани-

маться мужскими делами уже сегодня! Но что-то я не вижу ни одной женщины в автосервисе или в любой другой сфере деятельности, где требуется мужская сила, выносливость и скорость. Да что далеко ходить, вы даже на своей, «женской» работе ноете каждый час о том, как вы устали и хотите поскорее уехать на обед! А в конце рабочего дня уходите гораздо раньше положенного времени. А если — не дай Бог! — заболел ребенок, вы мигом бросаете свои обязанности, чтобы уйти на больничный без предупреждения! И вся работа из-за этого встает намертво. Но вам абсолютно все равно. Вы ведь женщины. Да и закон на вашей стороне. Какие вам нужны еще уравнивания? Успокойтесь уже наконец. Вы и так весь мир под себя загребли. Вся сфера экономики работает исключительно на вас.

Фред хочет уйти, но его окружили девушки. Кто-то настроен серьезно, а кто-то хихикает на каждое его слово. Видно, он пожалел, что ввязался в этот разговор. Одна из девушек задает вопрос наглым тоном:

— А что ты скажешь по поводу насилия? Разве этот вопрос не заслуживает внимания в уравнивании прав?

Заметно, как Фред начинает проявлять сострадание к тем, кто задает такие вопросы.

— Что тебе это даст? — выдавливают он из последних сил. — Ну уравнили права. И что дальше? Маньяки тут же перестали насиловать?

— Ты что, это поддерживаешь? — удивляется та девушка.

Фред отвечает намного грубее обычного:

— Меган, очнись! При чем здесь вообще я? Насилуют женщин не мужчины, а психически нездоровые люди, которые должны находиться в специально отведенных местах! На этом разговоре можно поставить точку. А все остальные вещи насильственного характера путем проявления мужской силы по отношению к женщине — это двоякий вопрос. Лично я это не поддерживаю, но кому-то, например, это нравится. И я сейчас не о мужчинах! Есть такие женщины, которые получают удовольствие от неких форм насилия.

Клэр с Меган переглядываются в удивлении.

— Как может нравиться насилие? — не понимает Меган.

— Ты в своем уме?

— Вот скажи мне, тебя хоть раз насильовали?

— А при чем здесь вообще я? — она ухмыляется, оглянувшись по сторонам, будто проверяя своих сообщников.

— Ну как же. Кого из нас волнует данный вопрос? Тебя или меня?

— Этот вопрос волнует всех женщин! — уверяет Меган.

— Нет, дорогая моя! Этот вопрос волнует конкретно тебя. Какое тебе вообще дело до того, что волнует всех женщин? Ты думаешь только о себе в первую очередь. О своей безопасности и комфорте. При чем здесь все?

— Нас волнуют одни и те же вопросы, — ухмыляется Меган.

— Да что ты! — Фред чешет затылок. — То есть все жен-

щины думают одинаково?

— Уже бы тупой понял, что да! — встречает Клэр.

— Хорошо, грубиянка. Тогда объясни мне. Можешь ли ты себе позволить выйти на улицу в просвечивающемся платье без лифчика и в ярких трусах?

— Конечно, нет! — фыркает она. — Я что, дура?

— А вот представь, что есть такие, кто может, — продолжает Фред. — И я тебе больше скажу. Такие женщины не видят в этом ничего предосудительного. Это уже говорит о том, что не все женщины думают одинаково!

— Фред, не уходи от вопроса. Как женщине может нравиться насилие? — напоминает Меган.

— Я же объясняю. Насилие — это понятие растяжимое. У каждого свое представление и уровень значения данной формулировки. Допустим, рэйп-плей — ролевые игры или БДСМ. Чем тебе не насилие? Здесь выражается прямое возбуждение от боли во время процесса. Помимо этого, я лично знаю таких женщин, которые разрешают мужчинам проявлять свои фантазии по отношению к ним. Более того, они сами провоцируют их на это своим внешним видом и легким поведением. А есть даже такие, кто получает удовольствие от того, что их бьют собственные мужья. Они сами доводят их, потому как зависимы от этого дофамина. Мозг человека не всегда отличает страх от возбуждения. Оба состояния запускают выброс адреналина, который перенаправляется в сексуальное русло. У таких людей возбуждение достигается че-

рез чувство опасности и власти партнера. Есть даже практики, когда женщина получает оргазм во время взятия ее в заложники силой. Это зафиксировано учеными, поэтому изучайте анатомию человека перед тем, как умничать.

— Ну ты про извращенцев нам рассказываешь, — объясняет Меган. — Мы же не такие.

— Вот именно, не такие, — подтверждает он. — Я это и пытаюсь вам объяснить. Вы не одинаково думаете! Все женщины считают по-разному. У каждого свое значение понятия «насилие». И вообще, как я сказал ранее, все феминистки — долбаные эгоистки, потому что их волнует только чувство собственной безопасности. А насилию подвергаются в мире абсолютно все. Мужчины, дети, старики, животные, природа. Весь мир подвергнут насилию, но думать исключительно о себе — куда более важная позиция для вас. Именно поэтому в политической сфере деятельности никогда не уравнивают женские права с мужскими. Вы не способны принимать радикальные и безэмоциональные решения для устранения проблем в мире. Вы думаете только о своей женской натуре. Будто весь мир должен вам потакать. И, прошу заметить, я не о всех женщинах сейчас говорю! Я о тех, кто зовет себя феминистками без умения отличать феминизм от ненависти к мужчинам.

— Мне вот интересно, — спрашивает Клэр, — а какому насилию подвергнуты в мире мужчины?

— Ты серьезно? — удивляется Фред. — Мужчины ока-

зываются в ситуациях насильственного характера чаще, чем женщины! Практически ежедневно мужчина оказывается жертвой рукоприкладства на улице от более сильного соперника. Именно поэтому многие мужчины занимаются единоборствами: чтобы уметь за себя постоять. Помимо всего прочего, все важные бизнесмены оказываются в ловушке шантажа и манипуляций от конкурентов, подвергая себя насилию ради денег и карьеры. Многие мужчины участвуют в войнах, выполняя боевые задачи и подвергая себя возможности стать жертвой насилия. Мне продолжать?

— Участвовать в войнах — это намеренно-добровольное подвергание самого себя насилию! — утверждает Меган.

— Да? — Нервный голос Фреда повышается на несколько тонов. — Значит, по-твоему, защищать свою Родину, а значит, и защищать женщин и детей от насилия со стороны противника — это добровольное склонение самого себя к насилию? Какая же ты безграмотная! Единственное добровольное склонение себя к насилию здесь — это твои татуировки, которые так ярко видны на твоих руках и ногах. — Фред указывает пальцем на татуировки Меган. — Ты сама подвергаешь себя насилию над собственным телом. Ты получаешь удовольствие от боли, даже не осознавая этого. Вместо того чтобы гордиться чепуху, вразуми лучше женские умы не провоцировать насилие со стороны неадекватных мужчин своим внешним видом. А то выглядит просто смешно, когда вы мне рассказываете о женском достоинстве, а некоторые из

вас одеваются так, словно собрались на панель. Своим легкодоступным видом и поведением они не только подставляют нормальных женщин, но еще привлекают к себе психов. Это подобно тому, как провоцировать быка красным полотнищем. А кто-то вообще зарабатывает на том, что продает свое тело. И для таких людей это обыденный образ жизни.

— Не все женщины одеваются вызывающе! — настырно Клэр утверждает.

— Ровно так же, как и не все мужчины насилуют женщин! — дополняет Фред. — А феминизм приписывает наличие насильственного характера ко всем мужчинам. По крайней мере, складывается такое ощущение.

— Что нам теперь? В простынях ходить? — задает вопрос девушка, которая одета откровеннее всех нас.

— Ты бросаешься из крайности в крайность, — отвечает он без колебаний, — а сама стоишь в короткой юбке, где сантиметр выше — и будет заметно твое белье!

— Нормальная у меня юбка! — оправдывается она. — Просто ты — извращенец!

Фред катится от смеха.

— Беспроигрышная позиция: ходить полуголыми и называть всех извращенцами, — кое-как выговаривает он перед тем, как покинуть балкон. — С меня хватит! Вам доказывать смысла нет. Я и так здесь задержался.

— Нет, ну ты слышала? — удивляется Клэр. — Какой он все-таки идиот! Еще немного — и я бы его прибила.

— Кажется, ты ему нравишься, — отвечаю ей.

— Да ему все нравятся! Только дай повод — и он уже тут как тут.

— Я серьезно! Между вами есть искра.

Клэр оборачивается, задерживая подозрительный взгляд на мне:

— И ты туда же?

— Да расслабься ты. Он просто решил тебя позлить.

— Ты его поддерживаешь?

— Я никого не поддерживаю. У каждого свое мнение. Какой смысл выяснять отношения с мужчинами, если они никогда нас не поймут?

— А такое ощущение, что поддерживаешь.

— По-твоему, я должна быть на твоей стороне? — интересуюсь у нее, вылупив глаза. — У тебя свое мнение, у меня свое. Обо мне речь не шла, поэтому я предпочту остаться в стороне.

— Как это — не шла? — не понимает она. — Он же говорил о женщинах.

— Он говорил не обо всех женщинах, Клэр! Хватит уже себя приравнивать ко всем.

— Кажется, ты с ним заодно!

В несогласии она надувает губы.

Выходим с балкона и встречаем Кристиана. Его походка быстрая и уверенная, словно он опаздывает. В одной руке он держит бумажный стаканчик с кофе, в другой — кожаный

портфель. Он тут же делает знак рукой, когда замечает нас:
— Эмили, зайди ко мне в кабинет! Есть разговор.
Послушно киваю, и он тычет в Клэр пальцем:
— Как и всегда, прекрасно выглядишь!
— Спасибо, Крис!
Она расплывается в улыбке, провожая его взглядом.
Мое молчание заставляет ее покраснеть.
— Что? Тебе неприятно получать комплименты?
— Ты же не любишь мужчин? — вынуждена подколоть ее.
Клэр стопорится на месте, обдумывая мысли.
— Так, все! Я убежала. Не забывай о нашем вечере сегодня.

Мы расходимся. Я иду на разговор к Кристиану, она — по своим делам. Зайдя к нему в кабинет, становлюсь свидетелем деловой беседы. Кристиан разговаривает через наушники с партнерами, глядя в окно. Я усаживаюсь в кресло, скрещиваю ноги и молча жду своего часа. В кабинете становится жарко из-за красавчика в белой рубашке, с расстегнутой верхней пуговицей и слегка распушенным галстуком. Я пялюсь на него без возможности оторвать взгляд.

— Нам не интересны эти условия! — Кристиан повышает голос на кого-то. — Это не похоже на партнерские отношения! Это называется «игра в одни ворота»! Нет, это вы меня послушайте! Мы не сотрудничаем с теми, кто не в состоянии искать компромиссы! Ищите других дураков. Всего доброго!
Звонок завершается броском наушников на стол.

— Вот уроды! Они хотят за копеечный контракт устанавливать нам сроки.

— Партнеры? — аккуратно спрашиваю.

— Очередные халявщики!

Когда он возмущается, его острые скулы проявляются сильнее. Я готова смотреть на это вечно, но рискую спросить:

— Для чего ты меня позвал?

— Я хотел сказать, что решился на семейный ужин. И я хочу, чтобы ты пошла со мной!

Мой правый глаз начинает дергаться. Пересохшее горло не дает говорить.

— В качестве кого я должна пойти с тобой?

Кристиан морщит лоб, замирая на секунду:

— В качестве моей девушки. Что за вопросы?

— Я — твоя девушка?

— А разве нет?

Хочу рассмеяться, но вовремя себя сдерживаю.

— Если мне не изменяет память, мы взяли паузу.

От неожиданности он сует руки в карманы, подходит к столу и облокачивается.

— Мне хватило этой ночи, чтобы все обдумать. Я решил, что пауза нам не нужна.

— Ты решил? А меня не забыл спросить?

Кристиан дает намек на улыбку, слегка показав зубы:

— Мне показалось, что тебе пауза не нужна. Это ведь я предложил ее взять.

— А теперь нужна! — Я пытаюсь не обращать внимания на трясущиеся коленки. — Наша пауза прекратится, когда будет результат теста на отцовство!

— Значит, ты мне уже условия ставишь? Занятно! А если тест окажется положительным, ты уйдешь от меня?

— Я и не твоя, чтобы уходить! — заканчиваю бессмысленный разговор.

Замечаю, как его щеки становятся алыми от злости. Это происходит настолько быстро, что спустя пару секунд он уже весь красный.

— Выходит, вчера, когда ты предлагала начать все сначала, считала себя моей? Как быстро меняется твое мнение, Эмили! Впрочем, мне все ясно. Ты пока не созрела для отношений. Возвращайся к работе.

— Кристиан, прекращай!

— Я сказал: приступай к работе! — отрезает он грубо, отвернувшись от меня.

В кабинете появляется мистер Смит. Он спасает нелепую ситуацию.

— Что здесь происходит? Обсуждение рабочих моментов? Свежих проектов? Новых клиентов? Или, может быть, личной жизни?

— Джон, мы просто обсуждали.

— Я слышал, что вы обсуждали! — Смит качает головой.

— Да мы просто... — Кристиан хмурит брови.

— Не морочь моему копирайтеру голову! Обсуждения

личной жизни исключительно вне рабочего времени! Это ясно?

— Да! — огрызается Кристиан.

Перед тем как обратить на меня внимание, мистер Смит включается в игру: для Кристиана он — «плохой коп», для меня — «хороший».

— Если этот ковбой отвлекает тебя от работы, сразу говори мне.

Кристиан закатывает глаза, сопровождая легким цоканьем языком.

— Благодарю, мистер Смит!

Удаляюсь с фальшивой улыбкой.

Время ускользает сквозь пальцы. Прошел практически весь день, а я ничего не сделала. Меня постоянно кто-то отвлекает. То Клэр со своими рассказами, то Кристиан с лишними задачами, то мама в сообщениях с наставлениями о жизни. Меня намеренно выводят из себя. Стоит поддаться эмоциям, чтобы потратить кучу времени на комментарии своих мыслей, все эти люди моментально исчезают. А при возвращении спокойного состояния вновь возвращаются, как по сговору. Это обычная работа матрицы, чтобы получать от нас привычную реакцию эмоционального фона на одни и те же обстоятельства. Ее главная задача — питаться энергией, а наша — помнить о настоящем моменте. Я давно знаю об этом, но борьба с эмоциями пока непреодолима. Но, несмотря на это, я становлюсь лучше, проходя данный квест

ежедневно. Мое внимание тренируется, а навык концентрации становится крепче. Сегодня у меня получается намного быстрее обретать душевное спокойствие, нежели это было раньше. Пока рассуждаю, меня отвлекает Клэр. Она подходит со спины, чтобы похвастаться бутылкой вина в своем пакете.

— Угадай, что мы сегодня будем пить?

Пока я думаю, она вальсирует с пакетом вокруг меня.

— Неужели это вино? — подыгрываю ей.

— О да, детка! Представляешь? Стоило мне намекнуть одному парню о бутылке вина, как не прошло и часа, а он позаботился о доставке прямо в офис.

— Парня зовут не Фредом случайно?

Она замирает как вкопанная, нахмутив брови:

— Шутишь? Этот идиот никогда не сделает ничего подобного!

— Тебе виднее. Но мне показалось, что он без ума от тебя!

— Предлагаешь воспользоваться им? — Она поднимает одну бровь, схватив мою сумку со стула.

— Лучше не стоит. Вы поубиваете друг друга.

Я сую руку ей под мышку и делаю шаг в сторону выхода. Рабочее время подошло к концу, поэтому мы аккуратно линяем отсюда.

— Фред — умный парень, — признается Клэр, — но он не любит феминисток. Мы несовместимы.

— Знаешь, мы тоже с Кристианом поначалу цапались.

— Так! Эми, — она делает серьезное лицо, — давай сегодня не о мужчинах. Пускай это будет исключительно женский вечер.

Мы уже практически на выходе из офиса, и по дороге встречается Кристиан. Клэр машет ему рукой, не останавливаясь. Кажется, он хочет окликнуть меня, но Клэр опережает:

— Она сегодня моя! Даже не надейся. Аста ла виста!

Он молча провожает нас взглядом, сжимая в руке телефон.

— Что-то он какой-то грустный! — предполагает Клэр, войдя в лифт.

— Мы немного поругались.

— Расскажешь?

— Я думала, мы договорились: сегодня без мужчин?

— Во-от! — протягивает тонкий голосок Клэр. — А говоришь, не феминистка.

Путь до ее квартиры оказывается нелегким. У меня жутко разболелся живот от смеха из-за нескончаемых шуток. Я уже полчаса держу рот открытым, поэтому скулы стали каменными. Слава Богу, мы добрались до места вечерней попойки. Ее квартирка небольшая, но достаточно уютная. Что-то из разряда «очень миленько». Кремовые обои, светлый ламинат и куча растительности в горшках.

— Комфортный минимализм, но зато свой! — выкрикивает Клэр из кухни, пока я прилипаю взглядом к местным

достопримечательностям.

Особое внимание уделяется месту в комнате для просмотра сопливых сериалов. Зеленый диванчик ожидает своего часа, гармонируя с шоколадными шторами. Он стоит напротив огромного телевизора, который прекрасно смотрится на стене. На полу — овальный ковер коричневого цвета. На него приятно наступать голыми ногами. Он с высоким ворсом и очень чистый. Двухспальная кровать в углублении комнаты добавляет уюта. Она завалена вещами, разбросанными в хаотичном порядке. Просто идеально. Тепло и по-домашнему.

Клэр возится на кухне с закусками из сыра и колбасы. Когда являюсь на подмогу, мне достается ответственное дело — разобраться с бутылкой вина.

Мое колдовство со штопором в руках, а вернее, отточенное мастерство, приобретенное когда-то в стенах местной забегаловки, где пришлось отработать несколько лет, ловко освобождает бутылку от деревянной пробки.

— Ура! — подпрыгивает Клэр. — Наливай!

Пока она пританцовывает, я стараюсь попасть горлышком в бокал.

— Можно сказать, что мы нашли ответственное дело для мужчин!

Она имеет в виду розлив по бокалам.

— У них это лучше получается, — приходится согласиться.

— Я бы сказала, это единственное, что у них получается,
— смеется Клэр. — А теперь давай. За нас! За красивых и
желанных!

Звонкий стук бокалов поднимает настроение. Глоток — и
тепло разливается по телу. Еще глоток — и хочется курить.
Клэр неймется из-за желания продолжить разговор. Схватив
кусочек сыра, она спрашивает:

— Так и что? Из-за чего вы поругались?

— Ничего особенного. Он пригласил меня на семейный
ужин.

— Семейный? — переспрашивает она.

Я киваю, откусив бутерброд.

— Вы же взяли паузу?

— Вот и я о том же! — констатирую.

— Ну а ты что?

— Да ничего. Поругались из-за долбаной паузы. Понятие
«пауза» звучит для нас по-разному. Такое ощущение, что
мужчинам достаточно пары часов, и они вновь готовы в бой.

— Я же говорю: бесчувственные создания. Им только ку-
валдой махать.

Сама удивляюсь своему кивку в знак согласия.

— Ну и к чему вы пришли? — продолжает Клэр.

— Да ни к чему. Я повозмущалась, он наорал, потом по-
явился Смит, и все закончилось.

— Да уж. Сколько страсти.

— Санта-Барбара. Что поделать? И вообще, мы договори-

лись не обсуждать мужчин.

— Точно! У тебя хорошая память!

— Выпьем за хорошую память, — предлагаю с усмешкой, и очередной звон бокалов наполняет кухню жизнью.

— Тогда, может, поговорим о законе притяжения? Мне очень интересно послушать, — предлагает она.

— А тут и говорить не о чем. Пока не распознаешь, что мир, в котором ты живешь, — это всего лишь твои убеждения, ничего не поймешь.

— Я это понимаю, — уверяет она, — вот только мне непонятно, как выглядят программы восприятия мира?

— Их очень много! — я ухмыляюсь, как психолог, принимающий пациента. — Программы есть положительные и отрицательные. Они проявлены как в страхе, ревности, обидах, ненависти, так и в вере, уверенности, полноценности, целеустремленности. Перечислять можно долго. Главное — распознать, что это просто мысли, не имеющие значения, если им не уделять внимание. Не стоит наполнять их энергией хотя бы потому, что жить в освобождении куда легче. И раз эта жизнь в данном воплощении всего одна, зачем ее тратить на обиды и ненависть?

— Это точно! — выдыхает она. — Выпьем за это!

— Вот ты делаешь вид, что понимаешь меня, — продолжаю объяснять ей, — а сама держишь в себе программу обиды на мужчину, которая создала в тебе восприятие мужчин как обманщиков. И теперь тебе попадают именно такие.

Ты воспринимаешь всех мужчин, примеряя на них качества того конкретного, который когда-то обошелся с тобой плохо. Эта обида не позволит увидеть истину, потому как смотреть сквозь нее — все равно что смотреть в подзорную трубу, где видно только то, на чем заиклилась обиженная личность. А обиженная она потому, что является настоящим эгоистом.

— Как понять «эгоистом»? — удивляется Клэр. — То есть меня обидели, и я еще эгоист?

— Ну конечно! Обижается только Эго. Только Эго хочет, чтобы все поступали так, как выгодно ему. Но на самом деле никто не обязан лезть из кожи вон, чтобы тебе угодить. У каждого человека свои мысли, желания и внутренний мир. Мы поступаем как чувствуем, а не как хотят другие.

— Возможно, в этом что-то есть, но это не отменяет факта обиды на бывшего, — она проговаривает через силу. — Он предал меня!

Я оказываюсь в ловушке собственной отзывчивости, где мое равнодушие поднимает на поверхность тему о мыслях, которые мы не можем знать. Когда это понимаешь, чувство вины отпадает моментально, ведь зачастую поступки людей исходят от мыслей, приходящих случайно.

— Клэр, я не знаю, что он сделал, но могу уверить тебя, что иначе он поступить не мог. Ты эгоистично ожидала от него одних действий, а он поступил из своего восприятия, потому что видит этот мир по-своему. Он не оправдал твоих ожиданий, и твое Эго взбунтовалось. Теперь ты утопаешь в

обиде, а тот парень тебя даже не вспоминает.

— Конечно, не вспоминает! — Клэр сердится, наморщив лоб. — Ему на меня наплевать.

— Если ему на тебя наплевать, это только потому, что тебе самой на себя наплевать, — говорю на октаву выше. — Весь мир — это твоё отражение. Каждый человек показывает тебе саму себя, играя определенную роль в твоей жизни. Люди — это зеркала, которые притягиваются с единственной задачей — отразить твой внутренний мир. Мы буквально притягиваем людей с аналогичными проблемами и убеждениями, чтобы посмотреть на самих себя. Так мы видим себя со стороны. Так мы понимаем, на чем заиклены и от чего пора освобождаться. Я могу предположить, что он показал тебе, как на самом деле ты к себе относишься. Затем твоё чувство отделенности внутреннего эгоиста не согласилось с чем-то, и после этого вы разошлись в разные стороны. Вместо того чтобы увидеть в нем себя и растворить данную личность, как снежинку в теплой руке, ты поверила в нечто другое. В непоколебимую иллюзию, что все мужчины плохие. Следом ты убедилась в этой иллюзии на примере иной перспективы в лице другого мужчины, и убеждение переросло в знание. Знание, в свою очередь, превратилось в страх, мешающий нормально жить.

— Выходит, теперь у меня сформировалась программа, которую я передам своим детям? — рассуждает Клэр вслух.

— Верно! Именно так мы и передаем программки из по-

коления в поколение, — отвечаю ей. — Это прямо классика жанра, когда убеждение о плохих мужчинах переходит от матери к дочери. Женщина, которая не смогла отработать обиду, обязательно передаст ее по наследству, утверждая, что на мужчину нельзя положиться. А потом ее дочь начнет познавать подобный опыт в жизни, ведь данная программа создала фильтр, сквозь который происходит видение ее мира. Мира, где одни обманщики. Вначале человек думает, что все это случайность, но с опытом приходит к пониманию, что сравнивать действительно не с чем. Убеждение закрепляется в уме, а следом превращается в абсолютное знание. Знание о том, что невозможно построить идеальные отношения, ведь все мужчины несерьезны. Ну и так далее.

— А что насчет сыновей? — спрашивает Клэр.

Хмурюсь от непонимания:

— Каких сыновей?

— Ну, ты говоришь о передаче обиды женщины к дочери по наследству. А если у нее рождается сын? Что она передаст ему в этом случае?

— А-а, ты об этом... — Отщипываю пару виноградин от грозди, лежащей на тарелке. — Могу предположить, что в этом случае женщина закладывает в своего сына программы идеального мужчины, который живет в ее представлении. Женщину нужно любить, уважать, защищать и заботиться.

— И не изменять! — дополняет Клэр.

— Ну вот, видишь, какие у тебя программы! — стараюсь

подчеркнуть ее слова. — Они всегда на поверхности. Их легко заметить.

— Погоди, — Клэр крутит бокал в руке, — а действительно. Как их увидеть?

— Просто обрати внимание на то, с чем постоянно сталкиваешься в жизни. Это и будут твои убеждения, от которых нужно избавляться. Ты всегда познаешь в прямом опыте только свои знания. Во что веришь, то и происходит. Даже в Библии так сказано. «Поверю, когда увижу», — сказал человек. «Увидишь, когда поверишь!» — ответил Бог. Это означает, что человек все понимает не так. Наш мир — это мир наоборот. Древние писания в Библии пытаются это донести нам уже несколько сотен лет. Это то, о чем я тебе говорю с самого утра, а именно, что человек видит перед собой только свой мир — и не более того. Только свои программы и убеждения. Видит только то, во что верит.

«Увидишь, когда поверишь».

— Это абсолютно, — продолжаю я, — мы видим только то, во что верим искренне, но так как человек живет в иллюзии, ему нужно вначале увидеть, перед тем как поверить. Мы привыкли воспринимать только материальный мир, забыв о том, что каждую секунду живем в ментальном мире. В ментальном — значит в мыслях.

— Кстати, очень хорошее наблюдение, — отвечает Клэр. — В дороге я всегда о чем-то думаю. Я буквально нахожусь не там, где находится тело, а в своей голове. Витаю в мыс-

лях, что-то обсуждаю, о чем-то мечтаю и представляю себя в различных образах и ситуациях.

— Я об этом и говорю, — подхватываю ее мысль. — Наше тело находится в осязаемом мире. Сейчас модно называть это — 3D реальность. А наше внимание находится — в ментальном мире. То есть в — 5D реальности.

Это напрямую касается закона притяжения, что является иной трактовкой данного знания. Это когда мысли материальны. Когда притягиваешь к себе события, в которые истинно веришь.

— А почему тогда я до сих пор не стала богатой? — Клэр задает банальный и популярный вопрос программы ума. — Если бы мысли были материальны, я бы уже давным-давно стала той, кем хочу быть.

Делаю глоток вина, чтобы смочить горло.

— Существует определенная задержка во времени, — я стараюсь идти поочередно, чтобы она впитывала каждое мое слово, — если бы мысли материализовались сию секунду, то наш мир превратился бы в хаос. Помимо всего хорошего, материализовались бы и наши страхи, стоило бы только подумать о них. Поэтому существует задержка, чтобы дать тебе время осмыслить, нужно ли это на самом деле. А если что-то долго не получается материализовать, значит, твое внимание находится еще где-то. Ты ведь не всегда находишься в одних и тех же мыслях, верно?

— Ну да! — подтверждает она. — Мыслей куча! Я то там,

то здесь.

— Вот именно. Каждую минуту ты думаешь о разном. Плюс не забывай о матрице, которая сбивает тебя с мыслей. Она отнимает твою энергию, выводя на эмоции, вовлекая в различные сценарии жизни. А еще состояние нехватки, которое мы создаем своими желаниями. Когда ты думаешь о том, как разбогатеть, ты прямо доказываешь самой себе, что сейчас ты бедна. Ты создаешь состояние нехватки, а значит, познаешь ее. Нужно уже сейчас поверить в то, что ты, например, богата, и вскоре увидишь это на собственном опыте, если будешь соблюдать правила внимания.

«Увидишь, когда поверишь», — сказал Бог.

Хочу подытожить нашу беседу, потому как здесь нет конца и края:

— И напоследок: вера и знание — это разные вещи! Лучше не верить, а знать себя такой, какой хочешь видеть.

— Чем отличается вера от знания? — недопонимает Клэр, разливая остатки вина по бокалам.

— Вера — это иная форма сомнения, — отвечаю ей. — Сегодня ты веришь, а завтра — нет, из-за изменений во мнении. Ты можешь верить во что-то много лет и в какой-то момент осознать, что все это было неважно. А знание — это непоколебимость! Элементарный пример знания — то, как ты знаешь себя человеком. Тебя невозможно в этом переубедить. Знание — это твое имя. Вот скажи мне, как тебя зовут?

— Клэр! — отвечает она.

— Ты знаешь это или веришь?

— Я это знаю, — подхватывает она с улыбкой.

— Ну вот. В этом вся разница. В вере можно усомниться, но в знании — никогда. Поэтому нужно знать себя таким, каким хочешь видеть, и тогда это обязательно материализуется. Мы всегда являемся тем, что знаем о себе. Попробуй думать о себе иначе и преврати эти мысли в непоколебимое знание. И вот еще что. Знание никогда не создает чувство нехватки. Зная ментально, что у тебя это уже есть, несмотря на факт отсутствия в материальном, оно обязательно проявится, чтобы подтвердить это на собственном опыте.

— То есть нужно себя обманывать?

— Не себя, а свой мозг, — аккуратно корректирую ее. — Наш мозг не отличает реальность от иллюзии, как сон от реальной жизни. Когда ты его обманываешь, закладывая программу об определенных вещах, ты создаешь новую нейронную связь, которая будет непоколебимо знать об этой вещи. Простыми словами: знай, что ты уже сегодня миллионерша, и держи это знание, вопреки обстоятельствам. Чувствуй себя как миллионерша и излучай эти вибрации на постоянной основе. Но будь готова к игре матрицы, которая будет сбивать тебя с этих мыслей какое-то время, ведь твои новые убеждения, а значит, и новые нейронные связи никак не стыкуются со старыми. Они не подходят под твою привычную жизнь, поэтому потребуется время, чтобы декорации вокруг тебя изменились. Нужно не реагировать на эмоции и стоять на

своим, и тогда матрица перезапишет программу, чтобы воссоздать ту жизнь, о которой ты знаешь в мыслях.

Клэр уже слишком подшофе, но ей определенно нравится наш разговор. Признаюсь честно, я и сама так давно не говорила по душам. Крайний раз это было с Лили, когда ее бросил очередной парень. Я пыталась ей объяснить что-то подобное, но, увы, не вышло. Лили очень непробиваемая, но зато отходчивая. Вспомнив Лили, я понимаю, что совсем забыла кое-что рассказать Клэр о мужчинах.

— Есть еще одна проблема, — говорю ей.

Клэр жует сыр и цедит вино, пытаюсь находиться здесь и сейчас.

— Тебе не нужен настоящий мужчина! Тебе нужен инструмент для закрывания своих потребностей.

Она хмурится, крутя между пальцами шпажку, на которую насажен кусок сыра:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вот ответ мне: каким должен быть мужчина, чтобы ты полюбила его? — спрашиваю у нее, улыбаясь.

Немного витая в облаках, она пытается нащупать нужный ответ.

— Мужчина должен быть заботливым, — она перечисляет, закатив глаза, — сильным, уверенным. Я должна чувствовать в нем стабильность и уважение к себе. Я хочу ощущать себя в полной безопасности с таким мужчиной. Ну и, конечно, немаловажный критерий — это финансовая составляю-

щая. Мы ведь в современном мире живем?

— Не продолжай! — прерываю ее типичную болтовню. — Другими словами, тебе нужен тот, кто будет закрывать твои потребности. О чем я и говорила.

— Ну да! — будто утверждает она, прищурившись на мгновение. — А разве должно быть иначе?

— В этом все и дело. Тебе нужен идеал своего восприятия. Одним словом, робот, который должен соответствовать требованиям твоего Эго. А мужчина тебе не нужен!

— Я тебя не понимаю, — грустно отвечает она.

— Когда ты освободишь себя от навязанных общественным мнением программ, тогда поймешь, что мужчина не должен соответствовать твоим убеждениям. Никто не должен соответствовать им, кроме тебя самой. Потому что твои убеждения — это только ты. Ты ищешь себя, а не мужчину. Но, чтобы обрести себя, достаточно заглянуть внутрь и навести порядок. А когда разгребешь этот хлам, там, под завалами, обнаружишь только любовь. Только любовь способна притянуть любовь. А не эти хотелки внутреннего эгоиста. Когда ты ищешь в отношениях способ закрывать свои потребности, будь готова закрывать потребности другого человека в ответ. Смею предположить, что тот парень просто не увидел от тебя должной отдачи, которую хотел получить из-за своего Эго. Он был таким же эгоистом, как и ты! Собственно говоря, поэтому ты его и притянула. Это зеркало, Клэр. Ты всегда притягиваешь к себе подобное, чтобы рас-

смотреть это на собственном опыте! А когда я спросила, для чего тебе нужен мужчина, ты должна была ответить: «Чтобы любить». Однажды мы все к этому придем, но, пока играем в личности, любви можно не ждать. Сначала нужно наиграться.

Клэр перебивает меня:

— Ну, с любовью все просто! Она появится, когда я искренне захочу, чтобы меня любили. Я притяну ее своими мыслями.

— Это тоже заблуждение!

— Да почему? Ты ведь сама говоришь, что мысли материальны.

— Клэр, включи голову, наконец! Наш мир — это мир наоборот! Я для кого здесь распинаюсь?

— Да что не так? — не понимает она.

— Когда ты захочешь, чтобы тебя любили, ты притянешь к себе такого же эгоистичного болвана, как и ты! Желание быть любимой — это эгоистичное желание. Ты хочешь получать от кого-то некую любовь. Вот как это звучит.

— И что тогда?

— Когда ты хочешь, чтобы тебя любили, в твоей жизни появляется такой же человек, который хочет, чтобы любили его. Вы буквально тянете одно одеяло на себя. Такой человек не даст тебе любви, потому как задача в обратном — забирать любовь. В конечном итоге вы разойдетесь. И будет лучше, если к этому моменту вы еще не наживете совместных

детей. Я надеюсь, ты поняла, к чему нужно прийти, когда хочешь жить в любви?

— Я уже запуталась! — бубнит она.

Я спокойно выдыхаю перед тем, как донести самое главное:

— Когда ты наиграешься во все игры внутреннего эгоиста, когда докажешь всем, какая ты крутая, когда самоутвердишься перед собой до тошноты в горле, тогда придет понимание, что все это было неважно. Важно лишь научиться любить. Научиться любить просто так. И когда придет желание просто любить, тогда и появится на твоём пути тот, кто так же желает дарить свою любовь безвозмездно. Это любовь без отдачи. Любовь без определения. Отдавая любовь, ты получаешь любовь. Все просто. Любовь — это все, ради чего мы живем. Любовь — это смысл жизни. Без любви не существует ничего. Для человека миссия считается выполненной, когда два мира соединяются в единое целое.

— О каком мире речь? — спрашивает она, пытаясь достать вишню из бокала.

— О ментальном, — напоминаю ей. — Он у всех разный. Слышала поговорку? «Сколько людей, столько и мнений».

Клэр выдыхает с усмешкой:

— Конечно! Кто ее не слышал?

— Так вот, каждое мнение исходит из собственного восприятия человека. Десять людей воспринимают одну и ту же вещь по-разному. У каждого свой мир и личное восприятие

жизни. Отсюда миллионы мнений и миров. И, кстати, ты знала, что физический мир тоже делится на определенные территории?

— Не-а.

— Представь только, — продолжаю объяснять уже заплетающимся языком, — люди живут на одной Земле, но богатые с бедными не пересекаются. Каждый находится на территории, соответствующей его вибрационной волне. Признайся, ты хоть раз встречала миллиардера?

— Нет, не встречала! — пожимает плечами Клэр.

— А почему?

— Наверное, потому, что в Бруклине таких мало. И я с ними лично не знакома.

— Их очень много, Клэр! И речь не о Бруклине вовсе. Ты с ними не знакома лишь потому, что у вас разные вибрационные частоты. Ты, конечно, можешь находиться с ними в одном городе, но никогда не пересечешься, ведь ваши мысли задают разный маршрут. Каждый контактирует только с теми, чья частота соответствует его собственной. Отсюда и есть богатые районы и бедные. Нищие страны и шикарные острова, где могут позволить себе находиться лишь единицы. Мы все живем в одном мире, но в то же время находимся в разных местах. А значит, в разных мирах. Вот и ты живешь в мире, где существуют мужчины-предатели. Они тебе попадаются потому, что это твой мир. Стоит попробовать перешагнуть за черту другого мира, где все прекрасно и бла-

гополучно.

— Есть инструкция, как перешагнуть? — улыбается она.

— Самая настоящая инструкция — это начать воспринимать свой мир иначе. Подумай над тем, в каком мире хочешь жить. Где ты себя хочешь видеть и как желаешь чувствовать. Кого ты хочешь видеть возле себя и чем горишь заниматься. Когда в голове построишь картину восприятия своего идеального мира, просто начни жить в нем прямо сейчас. Начни знать это, ведь знание — это и есть твоя инструкция. Что ты о себе знаешь, тем ты и являешься сегодня. И, напоминая, не воспринимай всерьез события, которые происходят сейчас.

— Эми, как не воспринимать всерьез, когда происходит полный бардак?!

— Да здесь может наступить хоть конец света! — утверждаю ей. — Все это неважно! Главное — держи внимание на мыслях о своем идеальном мире и не реагируй на сегодняшние неудачи, потому что они — всего лишь плод твоего прошлого мышления. То, где ты сейчас находишься, — это твои прошлые мысли. Нужно научиться существовать в позиции наблюдателя, удерживая в мыслях восприятие новой версии себя, и эта картинка изменится очень быстро. Она буквально подстроится под твои мысли, в точности иному восприятию.

— Ты говоришь о каком-то волшебстве, Эмили!

— Так и есть, Клэр. Если не способна поверить в чудо, оно с тобой не произойдет! Это абсолютное знание. Реальность меняется очень просто. Человеку начинают приходить мыс-

ли, мотивирующие тело к действию, что в конечном итоге приводит этого человека в желаемое место. Но здесь имеется еще одна интересная вещь, о которой нужно знать, и я тебе о ней расскажу в следующий раз.

— Почему не сейчас?

— Потому что я очень устала сегодня.

— Кажется, я кое-что поняла... — Клэр встает с табуретки.

Я поправляю растрепанные волосы, кивая в знак интереса.

Клэр подходит к окну, приоткрывает его в режим проветривания. Сев на подоконник, она закуривает сигарету, делает глубокую затяжку. Наблюдаю за клубящимся дымом с желанием повторить за ней. Клэр вновь затягивается и начинает делиться мыслями:

— В детстве я застала картину, как отец бросил мою мать. Он оставил нас совсем без денег. Мама всю мою подростковую жизнь твердила, что доверять мужчинам нельзя. Надеяться следует только на себя, и стоит сто раз подумать перед тем, как влюбляться. И, знаешь, Эми, до этого момента я считала, что моя мать была права. С годами я убедилась в ее словах, опираясь на отвратительные поступки мужчин. Теперь моя жизнь состоит из одиночества, обид и отвращения к мужикам.

— Я ведь говорила, что все идет из детства! Теперь ты держишь эту идею в голове, как истинный завет родного чело-

века, и эта идея, в свою очередь, сталкивает тебя с аналогичными обстоятельствами, чтобы показать твои программы.

Клэр глотает дым, кивая головой:

— Самое отвратительное, что мой отец тоже попал под эту гребенку. Я всю жизнь считала, что он моральный урод, не проявивший ко мне должного внимания. Но я даже не проговорила с ним поговорить во взрослой жизни, чтобы взглянуть на ситуацию под другим углом. Быть может, он ничего плохого не сделал. Возможно, он хотел со мной общаться, но мать запрещала ему приближаться ко мне. Господи, как это ужасно! Как люди усложняют себе жизнь.

— Теперь ты видишь, как мы неосознанно создаем фильтры восприятия мира, не попытавшись покопаться в себе.

— Это точно! — отвечает она со слезами на глазах. — Может, стоит поговорить с мамой на этот счет? А потом найти отца?

— Для начала пойми, что в этом мире никто никому ничего не должен. Здесь живет только Эго, желающее перетягивать одеяло на себя, ущемляя интересы остальных. Отсюда и рождаются разногласия, сподвигающие к пожизненной ненависти. Нежелание уважать друг друга и находить компромиссы обрекает на жизнь в одиночестве. Ты обязательно сможешь освободиться тем, кого действительно любишь, но, прежде чем это сделать, нужно помочь самой себе.

Когда я тушу сигарету, Клэр бросается на меня с объятиями.

— Спасибо за вечер! Кажется, теперь я буду относиться к себе по-другому.

— И тебе спасибо!

Клэр ослабляет хватку, и меня тут же клонит в сон. Голову кружит от вина, ноги отказываются держать. Сил не хватает даже вызвать такси, но, когда я пробую, Клэр отбирает телефон.

— В таком виде я тебя никуда не отпущу! Идем. Будем спать вместе!

— Это не совсем удобно, — говорю сквозь застенчивость.

— Ничего не слышу, — она коверкает слова и тянет меня за руку.

В комнате Клэр дает мне огромную майку и чистое полотенце. Пока расстилает постель, смеется как ненормальная. Ее язык смешно заплетается, ноги подкашиваются во время переодевания. В общем и целом, происходит типичная картина пьяных и веселых подруг. Одна кровать на двоих вновь оказывается моей напастью, но в этот раз ее не нужно делить с мужчиной. С подругой в обнимку спать не впервой, поэтому теплое тело Клэр ощущается в постели как родное. Порция алкоголя едва позволяет пожелать доброй ночи, а истощенное сознание утопает во сне моментально, стоит закрыть глаза.

На следующий день

Кристиан застаёт меня врасплох, пока я увлечена оформлением текста для новой рекламы. Он нависает тучей посреди ясного неба, склонив голову над моим столом.

— Не передумала?

Его наглый вопрос остается без ответа. Я притворяюсь, будто не понимаю, о чем речь.

— Ты пойдешь со мной на ужин? — настойчиво уточняет он.

— Мне казалось, пауза в отношениях означает дистанцию! — грубо отвечаю, продолжая игнорировать серый взгляд.

— К черту дистанцию! — фыркает он.

— Прекрати принимать решения за меня.

— Эмили, мы либо встречаемся, либо нет.

— Значит, нет! Ты меня отвлекаешь.

Тишина, вызванная стандартной паузой, давит на виски. Боковым зрением замечаю его легкое недовольство. Он хочет что-то сказать, но смелости хватает лишь на звонкое цоканье языком. Клэр появляется вовремя, спугнув его.

— Что с ним? Он какой-то грустный.

Я молча играюсь фантиком от конфеты в руках, сдерживая порыв недовольства.

— Опять поругались?

— Он невыносим!

— А я предупреждала, что он заноза в заднице.

— Надоедливость — его особенность, — подтверждаю в ответ.

Клэр пожимает плечами, подбирая слова:

— Особенность — это врожденное.

Нервно бросаю перед собой фантик.

— Просто взял и испортил мне настроение!

— Да-а, подруга. Ты влипла. Он конкретно тебя зацепил.

— Шутишь? Да он просто... он просто... дурак!

— Ладно-ладно! Не напрягайся, — смеется она, — все и так видно.

Она аккуратно садится на край стола, наблюдая за моими краснеющими щеками.

— Знаешь, я дружу с ним очень давно. Кристиан помог мне однажды, за что я ему благодарна. Как человек, он хороший, но вот как мужчина... — Она поджигает губы, качая головой из стороны в сторону, и продолжает: — Впрочем, я искренне желаю тебе быть счастливой. Если ты счастлива с ним, то, быть может, пауза и не нужна вовсе? Хотя на твоём месте я бы с ним не связывалась.

— Клэр, я правда не знаю, какой выбор сделать, — кое-как отвечаю, наступая себе на горло. — Я запуталась в чувствах. С недавних пор я намеренно иду к своему желаемому счастью, и каждый мой выбор был оправдан. Я получила, что хотела, но Кристиан заставляет меня задуматься. А не ошиб-

ка ли это? Наши отношения, скажем так, слегка токсичные.

— Кажется, ты все усложняешь собственной неопределенностью. Как по мне, чем больше думаешь, тем сильнее играют чувства. В такие моменты нужно быть хладнокровной. Просто возьми и прими решение. Оборви с ним связь или начни отношения с чистого листа. Это нужно сделать сейчас, а то на тебя уже смотреть тошно. Ходишь как привидение по офису. Да и он тоже.

— Легко говорить, когда тебя это не касается, — усмехаюсь.

Клэр решает поправить мои волосы.

— Просто покончи с этим прямо сейчас. Будь в моменте, Эмили. Иди к нему и сделай это.

— Еще чего!

— А я сказала — иди!

Клэр насильно поднимает меня со стула. Меня бросает в смех от ее упорства наладить мои отношения.

— Момент здесь и сейчас, помнишь? У тебя всегда есть выбор!

— Выбор есть, но какое решение будет лучше — неизвестно, — отвечаю ей.

— Кто-то мне вчера говорил, что лучшее решение идет от сердца, — Клэр пользуется моими наставлениями, не оставляя выхода, — а еще ты не знаешь свои следующие мысли.

— Я смотрю, вчерашний разговор пошел на пользу?

— Еще как! У меня будто прозрение, — иронизирует она.

— Ладно! Я пойду, но не обещаю, что не прибью его.

— Давай, иди уже! — Клэр поворачивает меня на сто восемьдесят градусов, дает шлепок по ягодице и напоминает: — Долго там не задерживайся. Я жду тебя на кухне.

Легко сказать «долго не задерживайся». Это не работает, когда ты во власти самого дьявола, который захватил твой ум. Единственное, где стараюсь не задерживаться, — у его двери, чтобы не вызвать к себе подозрений со стороны коллег. Пускай все выглядит обычно. Будто я иду по важным вопросам. Уверенно поворачиваю ручку, открываю дверь и застаю Кристиана с сигаретой возле окна.

— Ты куришь в кабинете? — удивляюсь с порога.

Ответив молчанием, он отводит взгляд в сторону.

Понятно. Значит, обиделся. Подкрадываюсь со спины, чтобы начать говорить несуразную речь. От его серьезности меня охватывает дрожь, но это состояние словно уже стало зависимостью в последнее время. Говорю первое, что приходит в голову:

— Я не хотела тебя обидеть.

— Тебе стоит держаться от меня подальше!

Заметно, что он сейчас в образе.

— Ты снова за меня решаешь?

Кристиан тушит сигарету о стеклянную пепельницу у окна.

— Меня не устраивает пауза.

— А мне нужно время!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.